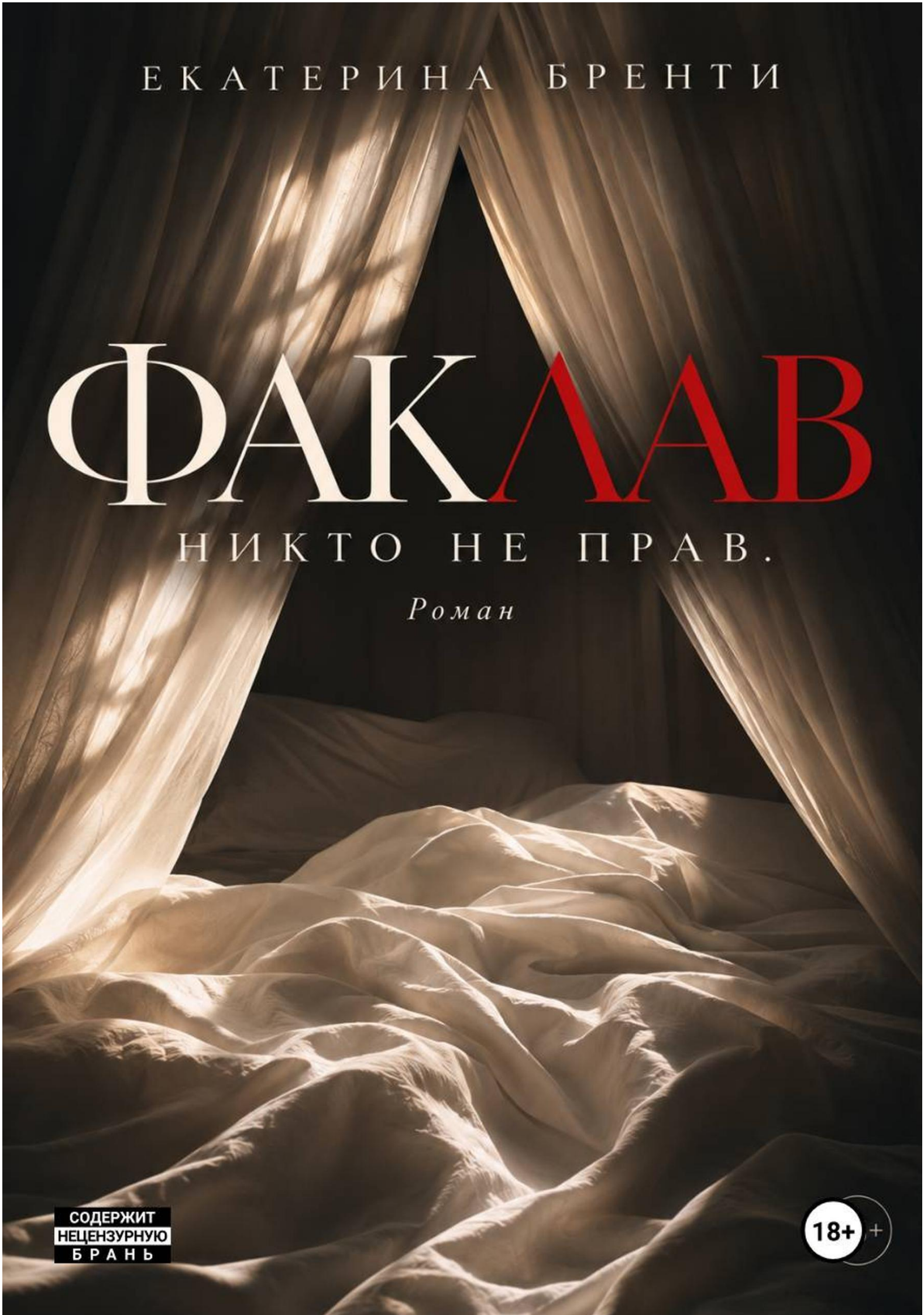

ЕКАТЕРИНА БРЕНТИ
ФАКЛАВ
НИКТО НЕ ПРАВ.
Роман
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Екатерина Бренти

Факлав. Никто не прав

«Автор»
2026

Бренти Е. В.

Факлав. Никто не прав / Е. В. Бренти — «Автор», 2026

«ФАКЛАВ. НИКТО НЕ ПРАВ.» — откровенный роман о любви без гарантий, желаниях без оправданий и свободе, за которую приходится бороться прежде всего с собой.Это история больших амбиций, безумной страсти, сладкой жизни и болезненных разочарований. История, которая могла произойти вчера. И может случиться завтра.Роман, который ты не просто читаешь. Ты узнаёшь в нём себя.Любовь и предательства. Взлёты и потери. Рискованные решения и ошибки, за которые приходится платить.От Москвы до Берлина, от Афин до Шри-Ланки — Кассандра проживает несколько жизней, чтобы понять одну простую вещь:Она не ищет идеального мужчину. И не ищет идеальную любовь.Она ищет себя.

© Бренти Е. В., 2026
© Автор, 2026

Екатерина Бренти
Факлав. Никто не прав

ЕКАТЕРИНА БРЕНТИ
ФАКЛАВ
НИКТО НЕ ПРАВ.
Роман
© Екатерина Бренти, 2026
Все права защищены.
Воспроизведение, распространение, публикация и использование текста полностью или частично без разрешения правообладателя запрещены, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

СОДЕРЖАНИЕ
Часть I
Глава 0.69
Глава 1 · Без лишних нежностей
Глава 2 · С разбега
Глава 3 · Вызов принят
Глава 4 · Отсчёт начался
Глава 5 · Поединок № 10
Глава 6 · Hello Darkness
Глава 7 · Жизнь в розовом цвете
Глава 8 · Не надо стесняться
Глава 9 · Один «Оскар» на троих
Глава 10 · Я плачу. Ударение по настроению
Глава 11 · Москоу нэвэ слипс
Глава 12 · OMG!
Глава 13 · Потеряла голову. Искать не надо.
Глава 14 · Да или нет
Глава 15 · Греческие оливки с косточками
Глава 16 · Греческий йогурт со вкусом свадебного торта
Глава 17 · Одно тело на два сердца
Глава 18 · Идеальная ~~жена~~ мама
Глава 19 · Неидеальная ~~жена~~ женщина
Часть II. Вдох — выдох
День 1. Вдох
День 2. Выдох
День 3. Вдох / Назад в будущее
День 4. Выдох / Послание
День 5. Вдох / Страх
День 6. Выдох / По другую сторону
День 7. Вдох / Самое важное письмо
День 8. Выдох / Мама
День 9. Вдох / Предательство
День 10. Выдох / Маленький шаг
День 11. Вдох / Know your true nature

День 12. Выдох / Выход
День 13. Вдох / Баланс
День 14. Выдох / Свадхистхана
День 15. Вдох / Синергия
День 16. Выдох / Slow is the new sexy.
День 17. Вдох / Wish list
День 18. Выдох / H2O
День 19. Вдох / План «Я»
День 20. Выдох / На другом конце
День 21. Вдох / Выбор
День 22. Выдох / Muse
День 23. Вдох / Подарок
День 24. Выдох / Traveler
День 25. Вдох / Last chance
День 26. Выдох / Голод
День 27. Вдох / Last Dance
День 28. Выдох / Без разрешения
День 29. Вдох / На посошок
День 30. Конец или новое начало

Глава 0.69

Город засыпал.

Я стояла на балконе, выпуская дым последней вечерней сигареты, и смотрела на тысячи освещённых окон. Где-то люди занимались любовью. Где-то выясняли отношения. Где-то обещали друг другу вечность, совершенно не представляя, сколько она продлится.

Я была в том возрасте, в котором уже достаточно взрослая, чтобы не верить каждому «навсегда», и ещё достаточно молодая, чтобы иногда совершать из-за него невероятные глупости.

Из комнаты доносилась старая песня о любви.

Я не помнила, когда слышала её впервые. Зато прекрасно помнила мужчин, с которыми она у меня ассоциировалась.

На телефоне светилось сообщение от дочери. Я улыбнулась и ответила.

Потом снова посмотрела на город.

Иногда меня спрашивают, сколько раз я любила по-настоящему.

Странный вопрос.

Будто существует какая-то комиссия, которая после каждой истории выдаёт сертификат подлинности чувств.

Я любила.

Сильно.

По-разному.

Иногда — совершенно не тех.

Иногда — не так.

А иногда так, что до сих пор не знаю, как мне удалось остаться собой.

Я потушила сигарету.

И вспомнила одну ночь.

Тогда я ещё была абсолютно уверена, что умею управлять собственными желаниями.

Особенно чужими.

Измена начинается не с секса.

Она начинается в голове.

С намерения.

С позволения.

Он сидел в синей рубашке в красную клетку на противоположном конце длинного стола, потягивал вино и смеялся над шутками нашей весёлой компании из двадцати человек.

А я мысленно уже перенеслась на три часа вперёд — в его спальню, где расстёгивала эту самую рубашку и ширинку джинсов.

Не вникая в разговоры, я то и дело поворачивалась, пытаясь поймать его взгляд.

Ничто не вызывает большего желания, парализующего сознание, чем запретная связь.

Всё решается ещё до прикосновений.

И чем усерднее он делал вид, что не замечает моих откровенных сигналов, тем сильнее нарастало электричество между нами.

В груди разгорался огонь. Жажда овладеть его телом брала верх над внутренним «не надо».

Игра в переглядывания закончилась: он сел ко мне спиной.

И зря.

Меня это только раззадорило.

— Уже за полночь, а вам бы всё бухать да зубы сушить! — с улыбкой прервала я монотонную беседу парней, пересаживаясь за их стол.

— Присоединяйся, Кассандра. Научи нас уму-разуму!

— О нет, — усмехнулась я. — Это не в моём стиле. Мне просто интересно, о чём вы так увлечённо говорите, что вон Сергей даже уснул.

— Я не сплю.

— Спи, Серёг, отдыхай. Мы сейчас не о тебе.

— А о ком?

— Да вот, в очередной раз пытаемся убедить Макса перестать держать в доме паразитов.

— В смысле? — Я сразу оживилась, услышав про «моего».

— В смысле Макс же у нас парень добрый, отзывчивый. У него уже неделю живёт какой-то чувак, с которым он когда-то в университете учился. Занял соседнюю комнату и, кажется, съезжать не планирует.

— Да ладно, хватит, — отрезал Макс. — Человек в сложной ситуации. Я сам разберусь.

Он посмотрел на меня исподлобья, задержался на пару секунд и снова отвёл глаза.

Как ни старайся, неравнодушный взгляд не скроешь.

Я устроилась в кресле, приняв позу грациозной пантеры, и написала сообщение.

Я: Если трахаться на полу, скрип кровати не разбудит твоего гостя…

Макс взял телефон и чуть отодвинулся от стола, чтобы друзья не увидели экран.

Я наблюдала, как он читает и улыбается.

Сука, как же я тебя хочу, — подумала я.

Он:)))

Я: Это значит «да»?

Он: Всегда да.

Я: И долго ты планируешь здесь оставаться?

Он: Не знаю. Как вечер пойдёт.

Я налила себе бокал вина.

Сдаваться не собиралась.

Вечер подходил к концу. Моё терпение — вместе с ним.

Ожидание начинало казаться скорее унизительным, чем соблазнительным.

— Ребят, — сказала я громко. — Может, по домам? Охранник ходит, ключами звенит. Нас в этом ресторане уже ненавидят. Все разошлись, кроме нашего стола.

— Кассандра, ты как всегда права. Поздно. Иди отдыхать. А мы — алкоголики опытные, можем до утра бухать.

— В этом я не сомневаюсь.

Я запустила руки в волосы, кокетливо взбила объём и уложила их на плечо. Медленно встала из-за стола, поправила рубашку и короткую юбку на талии — так, будто готовилась к стриптизу.

Никто даже глазом не повёл.

Я надела пальто, махнула всем рукой, вышла на улицу и вызвала такси.

Да пошёл он, — сказала я себе.

— Ну что, поехали? — тихо прозвучал голос Макса за спиной.

Воздух в машине сгустился от запаха вина, духов и того, что между нами нарастало.

В предвкушении секса мы обменялись лишь парой фраз, не прикасаясь друг к другу. Только шум шин по неровной мостовой вторил нашему неровному дыханию.

Очень скоро звонкий стук моих каблуков сотрясал тишину его дома — а вместе с ней и наши границы допустимого.

Дверь.

Ключ.

Поворот.

Шаг влево.

Шаг вправо.

Спальня.

Приглушённый свет.

Кровать.

Вихрь.

Он притянул меня к себе и жадно поцеловал. Я ответила с тем же нетерпением, с каким ждала весь вечер.

Рубашки — к чёрту, на пол.

Его ладони скользнули по моей талии под юбку. Всё, что ещё несколько часов назад существовало только в воображении, наконец происходило наяву. Его губы оставляли влажные дорожки на шее, ключицах, спускались всё ниже. Власть ощущалась в каждом движении.

Не просьба – захват.

Не нежность – голод.

Он раздвинул мои ноги уверенно, без вопросов, без пауз. Язык – горячий, настойчивый. Пальцы – глубже, сильнее. Я извивалась, как змея перед львом - красивым, сильным, молодым.

Дерзко.

Страстно.

Пошло.

Ночь превратилась в череду поцелуев, смятых простыней, коротких передышек и новых вспышек страсти.

Когда мы оба окончательно выбились из сил, я спокойно поднялась, оделась, поправила волосы и произнесла ровно:

— Это был секс уровня богов. Высший пилотаж. Но мне пора.

Я вышла без оглядки.

Я никогда не оглядываюсь.

По дороге домой — туда, где меня давно ждали, — я шла, вдыхая свежий воздух полной грудью.

Пустые улицы.

Розовеющее предрассветное небо.

На лице — улыбка.

На пальцах — запах чужой постели.

Зато в сумочке — влажные салфетки.

Если мысли грязные, то руки должны оставаться чистыми.

Как и само преступление.

Глава 1
Без лишних нежностей

Я всегда знала: если чего-то хочу — добьюсь. Мама говорила, что я, если понадобится, и мёртвого из могилы достану. Папа — что я неугомонная до фанатизма. Бабушка — что сил на меня нет. Дедушка смеялся: «Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе».

Перевоспитать меня не удалось никому.

Ещё подростком я решила превратить свою *problem* в *opportunity*. Если уж характер не удалось исправить, придётся научиться извлекать из него пользу.

С возрастом *Do Whatever The Fuck You Want. Just Don't Hurt People* стало моим кредо. Я привыкла рассчитывать только на себя. Люди приходили и уходили. А характер оставался.

Задумывалась ли я о том, чтобы расслабиться, сбавить обороты и просто поплыть по течению?

Однажды попробовала.

И очень пожалела.

Но об этом позже.

— Кассандра, ты идёшь?

— Нет, Наташ, не жди. Мне надо с тренером поговорить.

— Ты хочешь всё-таки отказаться?

— Не знаю. Наверное.

— Константин разозлится. Ты же знаешь. Он так просто тебя не отпустит.

Я сидела на деревянной лавке возле зала и ждала, когда закончится тренировка старшей группы. Подвал пах железом, потом и мокрой резиной. Этот запах включал во мне собранность.

На тёмно-зелёной стене висел огромный рисунок: всадник на коне, голый торс, отчётливо прорисованные мускулы, вытянутая рука с длинным красным флагом. На флаге — «Боксёрский клуб „Русский Богатырь“».

Я знала каждый штрих, потому что разглядывала его сотни раз.

Восемь месяцев назад я пришла сюда впервые: со ссадиной на лбу, расцарапанной щекой и таким унижением внутри, что хотелось кого-нибудь ударить. Я умоляла взять меня в секцию.

А сегодня собиралась умолять вычеркнуть меня из списка участников соревнований.

Из зала начали выходить парни — как на подбор, все похожие на всадника с рисунка. Кто в мокрой от пота футболке, кто без неё.

Им было по шестнадцать-семнадцать. Мне — двенадцать.

Я не решалась подходить близко, но мне нравилось наблюдать за ними издалека. В них было столько энергии, уверенности, задора. Они говорили громко, ржали, матерились, в шутку отвешивали друг другу лёгкие удары кулаками.

И при этом — никаких сложных лиц, глупых драм и бесконечных сплетен, как у девчонок. Они выглядели проще — и от этого свободнее.

Мне отчаянно хотелось стать частью их круга.

Но не чьей-то подружкой.

А «своей» в их стае.

Когда ребята разошлись, я дождалась, пока тренер останется один, и подошла к дверям.

— Константин… — позвала я. — Можно к вам зайти?

— Чего тебе? Ты что, ещё не ушла домой?

— У вас есть пара минут поговорить? — Я сделала шаг внутрь. Голос предательски стал тоньше.

— Случилось что-то? — спросил он, не поднимая головы от блокнота.

Он всегда делал заметки после тренировки — по ученикам, по дисциплине, по ударам. Как будто вёл учёт не тел, а потенциальных медалей.

— Ну… не то чтобы… — Слова цеплялись друг за друга и падали на пол. — Я просто хотела попросить… если вы разрешите… может быть, вы можете… ну… я тут подумала…

Он поднял голову.

— Кассандра. Хватит мямлить. Говори как есть.

Меня обожгло стыдом за собственную жалкость в голосе.

— Я… зайду лучше в другой раз.

— Нет, не зайдёшь. — Он откинулся на спинку стула. — Вот от этого все ваши беды. У вас, у всех баб, я имею в виду. Не успела начать разговор — уже сбежала. Меня разозлила на ровном месте. Я заранее чувствую: ты пришла какую-то хрень спрашивать. Поэтому сразу говорю — нет. Никакого другого раза. Тренировки по расписанию. А теперь — вышла из зала и не отвлекай меня.

— Простите, тренер… — сказала я и почувствовала, как глаза предательски наполняются слезами.

Я развернулась и почти бегом пошла к выходу.

Константину было около сорока пяти. Высокий, атлетического сложения, чуть сутулый — не от слабости, а от привычки смотреть вниз, на чужие ноги и чужие ошибки.

Он всегда выглядел одинаково: серая футболка, синяя адидасовская мастерка, чёрные спортивные штаны и старые кожаные бойцовские кеды. Короткая армейская стрижка делала лицо ещё жёстче. А тонкие губы почти никогда не складывались в улыбку.

И всё же в его светло-зелёных глазах было что-то, что не совпадало с внешней суровостью.

Не мягкость — нет.

Скорее внутренняя честность. Такая, от которой казалось, что он видит тебя насквозь. Взгляд выдавал, что ему не всё равно, будто любая ситуация касалась его лично.

Шрам, тянущийся от правой щеки до макушки, служил молчаливым напоминанием о его прошлом. Никто из учеников не осмеливался спрашивать о нём, хотя в кулуарах ходили легенды: будто он был телохранителем у какого-то крутого бизнесмена и в драке бандиты рассекли ему лицо ножом.

Многие его побаивались, но я лично испытывала только глубокое уважение.

Единственным моим страхом было случайно разозлить его.

— Кассандра! Стой! — крикнул он вслед и поднялся из-за стола.

Я остановилась, резко вытерла щёку рукавом и повернулась к нему, как будто ничего не было.

— Вот только слёз мне ещё не хватало, — сказал Константин. — Так. Успокойся. Глубокий вдох. Подумай. И скажи прямо и конкретно: зачем пришла?

Я вдохнула так, будто собиралась нырнуть под воду.

— Я не хочу участвовать в соревнованиях, — сказала я наконец.

Он даже не удивился.

— Почему?

— Я не готова.

— Это мне решать, готова ты или нет. Ты боишься.

— Нет, — соврала я автоматически. Потом сглотнула. — Я просто знаю, что проиграю.

Константин усмехнулся — без радости.

— И я знаю, что ты проиграешь. И что? Ты думаешь, смысл спаррингов — в победе?

— Ну да. А разве нет?

— Эх ты, девчонка… — Он махнул рукой, как будто отмахивался от собственной усталости. — Ничего не понимаешь. Мудрейший Цицерон сказал: «Величайшая победа — победа над самим собой». Слышала? Хотя что для тебя эти слова? Ты даже не знаешь, кто такой Цицерон.

— Вообще-то знаю.

— Кто?

— Цицерон. Философ.

Он поднял бровь — впервые за разговор.

— Надо же… — Короткая пауза. — Тогда скажи мне: в чём тут смысл?

Я замялась. И в этой заминке было всё: неловкость, страх, гордость, желание казаться сильной.

— Не… не надо бояться?

— Бояться — нормально. — Он произнёс это спокойно, без воспитательных интонаций. — Мой тренер мне говорил: кто не боится — тот не герой. Но вот сдаться без боя из-за страха — это плохая позиция. Так и будешь потом по жизни пасовать при первой же трудности. Поняла?

— Я… — Голос снова дрогнул. — Я неделю не сплю от одной мысли о соревнованиях. Я не смогу. Простите.

Константин покачал головой, будто подтверждая себе то, что уже решил.

— Тебе решать, конечно. Но знаешь… Год назад я зарёкся: никогда больше не брать в клуб девчонок. Наелся по горло. На словах вы все можете, а на деле — слёзы, сопли, истерики. А потом пришла ты. Худая, маленькая, щуплая, с подбитым глазом. Помнишь?

— Помню…

— А кто тебя тогда побил? Подружки?

— Они мне не подружки.

— Не важно. Девки, я имею в виду. Так ведь?

— Да.

— И как ты думаешь, почему я тебя взял?

— Пожалели… наверное?

— Я не мамочка, чтобы жалеть. — Он шагнул ближе. — Я увидел твой взгляд. Злость на тех, кто тебя обидел. И решимость постоять за себя. Куда это всё делось? Время прошло — и всё, сдулась? Значит, ты тут зря проторчала. И своё время потратила, и моё. Получается, я ошибся на твой счёт. Жаль. Очень жаль.

Это было сказано спокойно. Без крика.

И именно поэтому ударило сильнее, чем пощёчина.

— Тренер… я… — Я стиснула зубы, чтобы не расплакаться.

— Что «я»?

— Я подготовлюсь лучше и на следующий год точно попробую.

— Пустой разговор. И кто тебе сказал, что я дам тебе другой шанс? Да и зачем? Ты думаешь, любой может попасть на соревнования? Нет, дорогая моя, это надо заслужить. Заканчивай с боксом. Танцами займись. Или рисованием. Иди. И спи спокойно. Я вычеркну твоё имя из списка участников.

Я вышла из клуба быстро — так быстро, как будто спасала себя от собственных слёз.

Лицо и уши горели.

На улице стояла зима. В сумерках сгущалась синь, и дворы были пустые, как чужие.

Я шла домой, спрятав голову в капюшон, и не чувствовала ни капли облегчения.

Только мерзкий вкус поражения — ещё до боя.

Ну и ладно.

Кого я обманываю?

Какая из меня боксёрша?

Больше никаких секций.

Хватит с меня.

Позади раздались шаги.

Я обернулась — две тёмные фигуры. В руках у них блеснули палки.

Я ускорила шаг, и они — тоже.

Сердце ёкнуло и провалилось куда-то вниз.

— Эй, ты! Постой! Прикурить есть? — раздалось за спиной.

Я рванула вперёд что было сил.

Снег под ногами был скользкий, рыхлый. Я поскользнулась, едва не упала, выровнялась и свернула за угол дома.

Заскочив в первый подъезд, притаилась в тёмном углу под лестницей, где воняло мочой так, что меня чуть не вырвало.

За дверью послышались голоса.

Потом шаги.

Я замерла, боясь даже пошевелиться.

Через какое-то время всё стихло.

Я жила в неблагополучном районе. Здесь подростковая преступность процветала во всех красках: драки, пьянство, воровство. В школах нас пугали историями о наркоманах и насильниках, предупреждали не гулять в тёмное время суток, никому не доверять и избегать незнакомцев.

Но вместе с мерами предосторожности нам внушали страх и незащищённость.

Я сидела в темноте, обняв колени, слушала своё дыхание — рваное, как после раунда.

Я так устала прятаться, убегать, всех бояться.

Слёзы пошли сами — злые, горячие, не про испуг.

Про унижение.

Про то, что я уже мысленно согласилась быть слабой.

«Заканчивай с боксом».

«Сдулась».

«Я ошибся на твой счёт».

Я вышла на улицу.

Встала в оборонительную стойку — автоматически.

Сердце билось в ушах.

Никого.

Пусто.

Тишина.

Я сделала шаг. Потом ещё один.

И вдруг поняла, что готова выйти на ринг хоть сейчас.

Но не чтобы победить соперника.

А чтобы победить саму себя.

Я резко развернулась и побежала обратно в клуб.

Залетела в зал, мокрая и запыхавшаяся, — и застала Константина за мытьём пола.

— Тренер!

— А? — Он обернулся, выронив от неожиданности швабру. — Ты чего вернулась?

— Пожалуйста… — Я пыталась отдышаться. — Не исключайте меня.

Он смотрел на меня молча.

— Поздно, — сказал наконец.

— Как поздно?

— Я уже позвонил куда надо.

— Нет… — У меня внутри что-то оборвалось. — Пожалуйста! Я хочу участвовать. Мне надо. Вы правы. Я должна выйти. Даже если проиграю. Даже если страшно, это уже не важно. Я хочу.

Он долго смотрел на меня.

— Никогда не перестану удивляться женщинам, — сказал сухо. — Сначала всё испортят. Потом бегут исправлять. Нельзя так, Кассандра. Запомни. Ты ещё юная. У тебя всё впереди. Хочешь стать успешной бабой — научись думать, как мужчина. И здесь, в боксёрском клубе, для этого лучшая школа.

Я стояла и не отводила взгляд.

— Так вы возьмёте меня обратно? — спросила я снова.

— В клуб? — Он хмыкнул. — Я тебя и не выгонял. А по поводу соревнований ничего не могу теперь обещать. Занимайся. Работай над техникой. Докажи мне, что ты достойна. У тебя есть месяц. Будет место — подам заявку. Не будет — получишь урок.

— Я докажу.

— Посмотрим. Иди домой. Уже поздно.

Я повернулась к выходу.

— Константин… — остановилась я. — А вы всегда сами пол моете?

Он усмехнулся.

— А кто? У меня нет денег на уборщицу.

— Можно я буду помогать?

Он впервые улыбнулся по-настоящему.

— Иди уже. Помощница.

Я тренировалась как одержимая.

Константин доверил меня Вадиму — одному из лучших спортсменов старшей группы, и два раза в неделю мы занимались дополнительно, один на один.

Он был серьёзный, уравновешенный, интеллигентный и к тому же симпатичный.

Но ни малейшего снисхождения ко мне.

Только требования.

Одним своим присутствием он заставлял меня выкладываться на пределе.

Через месяц тренер подтвердил моё участие в соревнованиях.

Апогей страха перед первым спарингом накрыл за пять минут до выхода на ринг.

Моей соперницей была девочка на голову выше и значительно крупнее. Я видела её плечи — тяжёлые, уверенные.

Мне казалось, что она просто сломает меня пополам.

Гонг.

Первый удар — в солнечное сплетение.

Воздух выбило из лёгких.

Боль вспыхнула, как взрыв, — и вдруг я вошла в раж.

Пропускала.

Падала.

Вставала.

Она била сильнее.

Но я не отступала.

Пять минут.

Продержалась почти пять минут.

Проиграла.

Через час был ещё один поединок.

Во втором спарринге соперница была моего роста и комплекции. Волнение ушло. Остался только бой.

В этот раз я одержала победу.

Я видела, как Константин в первом бою закрывал лицо ладонью. Во втором — аплодировал.

А после соревнований признался: когда я просила вычеркнуть меня из списка, он уже знал, что я вернусь.

Он никогда не звонил «куда надо».

Вадим и его друзья болели за меня с трибун так, будто мы давно были одной командой.

С того дня я стала своей.

Когда я вернулась в танцевальную группу, откуда меня выжили насмешками, издёвками и финальной дракой за Домом культуры, отношение кардинально изменилось.

Статус «боксёрши» работал как броня.

Больше никто не пытался проверять меня на прочность.

Позже я бросила бокс. Любительский этап закончился, а в профессиональный уходить не хотелось.

Но стержень был заложен на всю жизнь.

Через несколько лет, уже будучи студенткой, я пришла к тренеру — поблагодарить.

Теперь его клуб назывался «Цицерон».

Центр города. Светлый зал на первом этаже коммерческого здания с большими окнами.

Я приехала рано утром — с бутылкой дорогого виски и букетом бордовых роз.

Чёрный джип припарковался у входа.

Константин вышел из машины — немного постаревший, но всё такой же.

Он прищурился.

— Тренер! Доброе утро!

Он остановился.

— Кого я вижу… — медленно сказал он. — Кассандра.

— Узнали?

— Таких не забывают.

Я протянула ему цветы.

— Это вам. Спасибо за всё.

Он смутился.

— За что?

— Вы заложили во мне характер.

Он помолчал.

— За характер благодари родителей. И Бога. — Пауза. — Ты родилась с огнём. Я только не дал тебе его потушить.

Его фраза тронула меня до глубины души.

— Тогда… спасибо, что не дали.

Он взял цветы.

— Только вот это — лишнее. Ты же девушка. Тебе должны дарить букеты.

— «Хочешь стать успешной бабой — научись думать, как мужчина». Это ваши слова.

Он усмехнулся.

— Я так сказал?

— Дословно.

Он прищурился снова.

— Думаешь, за твоими солнечными очками я не вижу, что у тебя подбит глаз?

Я рассмеялась.

— Ничего от вас не скроешь. Собственно, после этого случая я и решила найти вас и выразить признательность за то, чему вы меня научили.

Он посмотрел серьёзно.

— Если нужна помощь — скажи. Я тебе ребят пришлю для защиты.

— Не нужно. Ничего особенного. Разнимала пьяную драку в кафе. Всех положила на лопатки. Вы бы мной гордились, тренер.

Он кивнул.

— Тогда слушай дополнение к той фразе. Хочешь стать успешной бабой — научись думать, как мужчина. Но никогда не забывай слушать своё женское сердце.

— Спасибо, Константин. Я буду держать и кулаки, и каблуки.

И тогда я ещё не знала, чего мне это будет стоить.

Глава 2
С разбега

— С днём рождения! С днём рождения, братан! С днём рождения, Вадим!

Весь стол загудел, поднимая кружки с пивом.

— Пацаны, спасибо!

— И Кассандра!

— Конечно, и Кассандра! Она уже давно свой пацан!

— Да, я свой пацан! — басом подтвердила я, хлопнув именинника по плечу. — С днём рождения, Вадим-Непобедим!

И чмокнула его в щёку.

Мне было двадцать.

Многое успело измениться с тех пор, как двенадцатилетней девчонкой я впервые переступила порог боксёрского клуба. Но лучшие друзья остались прежними.

Те самые парни, рядом с которыми когда-то мечтала стать своей.

С ними можно было пить пиво из горла, материться, спорить до хрипоты и смеяться, не задумываясь, насколько привлекательно это выглядит со стороны.

Они давно перестали воспринимать меня как маленькую девочку.

Но женщиной, кажется, тоже не особенно считали.

И меня это вполне устраивало.

Мы отмечали день рождения Вадима на даче. Музыка, шашлык, шумная компания, бесконечные тосты. Кто-то спорил о футболе, кто-то уже собирался пойти купаться на озеро, несмотря на то, что было всего десять градусов тепла.

Я сидела на веранде, закинув ногу на ногу, когда во двор въехал серебристый Chevrolet.

— О! Тимур приехал! — крикнул кто-то.

Из машины вышел парень.

Высокий. Широкоплечий. В чёрной футболке, которая плотно облегала его тело. Тёмные волосы, уверенная походка, спокойное лицо.

Он не торопился.

Подошёл к имениннику, обнял его, что-то сказал на ухо. Потом стал здороваться с остальными.

Рукопожатия. Хлопки по плечам. Короткие шутки.

Его явно здесь знали и уважали.

Я поймала себя на том, что наблюдаю за ним дольше, чем следовало.
Наконец он посмотрел в мою сторону.
— А ты чья? Сестра? Девушка?
— Как так?! — возмутился Вадим. — Вы разве не знакомы?
— Пока нет, — ответила я.
— Кассандра, — представилась я, протягивая руку.
— Тимур.
Он пожал её.
Крепко, но осторожно.
И улыбнулся.
Не той улыбкой, которой мужчины обычно пытаются произвести впечатление.
Просто улыбнулся.
А я вдруг забыла, что собиралась сказать.
Ненадолго. На секунду.
Но для меня и это было непривычно.
— Так ты и есть та самая знаменитая Кассандра? — спросил он.
— Смотря чем знаменита.
— Говорят, даже Вадим тебя боится.
— Вадим всех девушек боится. Просто тщательно скрывает.
— Эй! — возмутился именинник.
Тимур рассмеялся.
И я неожиданно захотела услышать этот смех ещё раз.

Вечер закончился поздно.
Когда гости начали разъезжаться, Тимур предложил подвезти меня домой.
— Ума не приложу, — сказал он, выруливая со двора. — Мы столько лет крутимся в одной компании и ни разу не пересеклись. Я Вадима с шестого класса знаю.
— Я тоже. Может, он меня от тебя охранял?
— Я хороший парень. От меня не надо охранять.
— Тогда, может, тебя от меня?
Он усмехнулся.
— Хочешь сказать, с тобой опасно связываться?
— Зависит от обстоятельств.
— Я слышал пару историй. Девочка-война.
Я повернулась к нему.
— Серьёзно?
— Меня не напугаешь. Но мне понравилось, как ты напряглась.
— Как остроумно.
— Так чем ты занимаешься, Кассандра?
— Учусь. Работаю.
— Кем?
— Крупье.
— В казино?
— Нет, на детских утренниках. Конечно, в казино.
Он рассмеялся.
— Покер?
— Могу. Но в основном рулетка.
— Умеешь приносить удачу?
— Или неудачу. Пятьдесят на пятьдесят.

— Я никогда не был в казино.
— И не начинай. Казино разрушает жизни.
— Но при этом ты там работаешь.
— Работаю, но не рекомендую.
Он покачал головой, улыбаясь.
Несколько минут мы ехали молча.
В салоне негромко играла музыка. За окнами мелькали фонари, пустые остановки, редкие прохожие.
— У тебя молодой человек есть? — вдруг спросил Тимур.
Я посмотрела на него.
— Почему интересуешься?
— Потому что ты мне понравилась.
Без паузы.
Без попытки превратить вопрос в шутку.
Я привыкла к флирту. К намёкам, двусмысленностям, играм в недоступность.
Но такая прямота застала меня врасплох.
— А если бы был? — спросила я. — Отбивать не стал бы?
— Нет.
— Даже если бы очень понравилась?
— Это не в моих принципах.
Я отвернулась к окну, скрывая улыбку.
— Вон мой дом. За поворотом справа.
— Понял.
Он остановился у подъезда.
— Спасибо, что подвёз.
— Так всё-таки? Встречаешься с кем-то?
Я уже взялась за ручку двери.
— Если бы встречалась, меня бы сейчас не было в твоей машине.
— Почему?
— Это не в моих принципах.
Он улыбнулся.
— Тогда увидимся, Кассандра.
Я вышла.
Машина тронулась, и красные огни растворились в темноте.
Я ещё какое-то время стояла у подъезда.
Потом поймала себя на том, что улыбаюсь.
Как идиотка.

Он не позвонил.
Ни на следующий день.
Ни через два.
Ни через три.
К концу недели я успела придумать несколько вполне убедительных объяснений.
У него есть девушка.
Пацаны отговорили.
Он потерял интерес или мой номер.
Хотя номера я ему не давала.
Последнее обстоятельство несколько осложняло ситуацию.

Каждый серебристый автомобиль заставлял меня оборачиваться. Я мысленно возвращалась к нашему разговору, вспоминала его интонации, искала ошибки.

И злилась на себя.

У меня была учёба, работа, спорт, друзья. Вполне насыщенная жизнь.

Но почему-то именно отсутствие одного мужчины стало самым заметным событием недели.

В субботу вечером я возвращалась с тренировки.

Объёмный спортивный костюм. Большая сумка через плечо. Волосы собраны кое-как, лицо без макияжа. Я мечтала только о душе и ужине.

У подъезда стоял серебристый Chevrolet.

Я остановилась.

Дверь открылась.

Тимур вышел из машины.

В руках — огромный букет красных роз.

Нокдаун.

— Привет, — сказал он.

— Привет…

Я посмотрела на цветы.

Потом на него.

— А ты, я смотрю, опытный?

— Что ты имеешь в виду?

— Вот это всё.

— А что не так?

— Неделю пропадал. Теперь стоишь возле моего дома с розами.

— Я не пропадал. Работал.

— Семь дней подряд?

— Почти.

— И телефона у тебя не было?

— Твоего номера не было.

— А спросить у ребят ты не догадался?

— Их это не касается.

Я открыла рот.

Закрыла.

Действительно.

Он протянул букет.

— Я думал о тебе.

Я взяла цветы.

И не успела придумать очередную колкость.

Тимур шагнул ближе, обнял меня за талию.

На мгновение задержался, глядя мне в глаза.

Я сама потянулась к нему.

Он поцеловал меня.

Без спешки.

Так, словно продолжал разговор, начатый неделю назад.

Я обвила его шею рукой.

И забыла обо всех вопросах, которые собиралась задать.

— Поехали кататься, — предложил он, когда мы отстранились друг от друга.

— Куда?

— Куда захочешь. В ресторан?

Я посмотрела на себя.

— В таком виде? Я выгляжу как пацанка.

Он окинул меня взглядом.

— Мне нравится.

— Тимур, на мне спортивные штаны, старые кроссовки и хвост на макушке.

— Я заметил.

— И?

— Лучше я бы и представить не мог.

Я рассмеялась.

— Красиво стелишь.

— Тогда поехали. Буду молчать.

Молчать у нас не получилось.

Мы проговорили несколько часов.

О спорте, работе, семье. О том, чего хотели добиться и чего категорически не собирались терпеть. О людях, которых уважали, и поступках, которых не понимали.

Тимур не пытался казаться интереснее, чем был. Не перебивал, чтобы рассказать историю получше. Не соглашался со мной автоматически.

Иногда спорил.

Иногда смеялся.

Иногда задавал вопросы, после которых приходилось задумываться.

И чем дольше мы разговаривали, тем меньше мне хотелось производить на него впечатление.

Это было странно.

Обычно я прекрасно знала, какой стороной повернуться к мужчине.

А здесь вдруг оказалось, что можно просто сидеть рядом, говорить всякую ерунду и не контролировать каждую реакцию. Мы не просто знакомились - мы влюблялись, не боясь быть слишком искренними и открытыми.

Поздно ночью мы вернулись к моему дому.

Тимур припарковался во дворе, заглушил двигатель.

Начался дождь.

Мелкие капли стекали по лобовому стеклу, размывая свет одинокого фонаря. Из радио доносилась старая рок-баллада.

Я посмотрела на подъезд.

Потом на Тимура.

— Ну что, спасибо за вечер?

— Пожалуйста.

Никто не двигался.

— Мне, наверное, пора, — сказала я.

— Наверное.

Он улыбнулся.

Я тоже.

Потом мы одновременно потянулись друг к другу.

На этот раз поцелуй был совсем другим.

Не приветствием.

Не обещанием.

Продолжением того, что весь вечер происходило между нами.

Тимур откинул спинку сидения, расстегнул молнию моей мастерки и провел пальцем от ключицы до солнечного сплетения на груди – медленно, без давления, словно спрашивая разрешения без слов.

— Знаешь, чем отличается настоящая женщина от пацанки?
— Чем?
— Под спортивным костюмом — сексуальное кружевное бельё?
— Это ты ещё трусики не видел, — прошептала я.

Он тихо рассмеялся.
— Исправим?
Я ответила поцелуем.
Мы перебрались на заднее сиденье.
Там было тесно, неудобно и совершенно не романтично с точки зрения здравого смысла.
Моя спортивная сумка свалилась на пол. Я ударилась локтем о дверь. Тимур попытался отодвинуть сиденье и едва не прищемил мне ногу.
Мы рассмеялись.
А потом стало не до смеха.
Его руки были сильными, движения — уверенными, но он не торопился. Я чувствовала, как он сдерживает себя, давая мне возможность самой решать, насколько далеко мы зайдём.
И я не хотела останавливаться.
За запотевшими стёклами продолжался дождь.
Где-то хлопнула дверь подъезда.
Мир жил своей жизнью.
А мы — своей.
Я не была девственницей. И не впервые занималась сексом с мужчиной, который мне нравился. Но я впервые чувствовала, что мужчина не просто хотел меня – он словно выбрал.

Мы одевались, когда Тимур вдруг произнёс:
— Кассандра, переезжай ко мне.
Я застыла с мастеркой в руках.
— Что?
— Завтра.
Я рассмеялась.
— Ты с ума сошёл?
— Возможно.
— Тимур, мы знакомы неделю.
— И что?
— И то, что люди обычно сначала встречаются. Ходят в кино. Узнают друг друга.
— Успеем.
— А если я окажусь невыносимой?
— Уже подозреваю.
— А если ты мне надоешь?
— Скажешь.
— А если мы через три дня возненавидим друг друга?
— Разъедемся.
Я смотрела на него, пытаясь понять, шутит он или нет.
Не шутил.
— Это эмоции, — сказала я. — После такого секса можно и Луну пообещать.

— Я не обещаю Луну.

— Нет?

— Я снимаю квартиру в центре. И я хочу, чтобы ты в ней тоже жила.

Я снова рассмеялась.

— Рубишь по фактам.

— Как есть.

Он взял меня за руку.

— Послушай. Мне хорошо с тобой. Я не хочу эти месяцы от свидания до свидания. Я хочу всё сразу. Просыпаться рядом с тобой. Завтракать. Ругаться из-за ерунды. Возвращаться вечером и знать, что ты там.

Я замолчала.

Потому что именно это прозвучало сильнее любого признания в любви.

Не красивые слова.

Обычная жизнь.

Вдвоём.

Я не знала, как отреагировать.

— Давай вернёмся к этой теме через месяц, если ещё будет актуально, — сказала я.

Тимур кивнул.

— Хорошо.

Он завёл двигатель.

— Завтра снова поговорим.

Я повернулась к нему.

— Завтра я работаю до вечера.

— Встречу после работы.

— Уверен?

— Да.

Я улыбнулась.

— Тогда до завтра.

На следующий вечер он действительно встретил меня после работы.

Мы поехали к нему.

В его квартире пахло свежевыстиранным бельём и мужским парфюмом. На кухне стояли две чашки, в холодильнике обнаружилось подозрительно много продуктов, а в ванной — новая зубная щётка в упаковке.

— Это что? — спросила я, поднимая её двумя пальцами.

— Зубная щётка.

— Спасибо, я догадалась.

— Тебе.

— Тимур…

— Я помню. Через месяц обсудим.

Я покачала головой.

— То есть, ты уже всё решил?

— За себя – да. За тебя решать не собираюсь.

Он обнял меня сзади.

Я посмотрела на наше отражение в зеркале.

На его руки у меня на талии.

На своё лицо.

И вдруг поняла, что мне не хочется уходить.

Не потому, что он убедил.

Не потому, что я боялась его потерять или обидеть.

А потому, что я почувствовала, что рядом именно тот человек, с кем можно строить, ломать, воевать и мириться. Наша связь ощущалась настолько естественной и реальной, что не было сомнений – это оно.

В ту ночь мы занимались любовью уже в его постели.

Утром он приготовил кофе.

Вечером я привезла несколько вещей.

Через неделю — остальные.

Месяц так и не понадобился.

В двадцать лет любовь не обсуждают.

В неё врываются с разбега.

Глава 3

Вызов принят

Казино — злосчастное место. Оно не столько развлекает, сколько разоблачает.

За игровым столом деньги обнажают то, что люди обычно тщательно скрывают. Жадность. Страх. Зависть. Отчаяние.

«Не в деньгах счастье».

Ненавижу эту пословицу.

Её повторяют, когда не получилось. Когда проиграл. Когда надо сделать вид, что ты всё равно «выше этого».

А на деле там всегда одно и то же: подмигивание судьбе и плевок в лицо самому себе.

«Ну что, неудачник? Снова всё просадил?»

Отсутствие денег рождает страх завтрашнего дня: тревогу, зависимость, мелочность, апатию, стыд. Необходимость терпеть то, чего терпеть не хочется.

Деньги дают свободу. Власть. Спокойствие. Вкус жизни.

И да, счастье тоже.

Но только если это свободные деньги.

Не зарплата, которая исчезает в счетах, а воздух, которым можно дышать.

В казино особенно заметно кто в чём нуждается.

Одни приходят испытать удачу. Другие — доказать, что умнее системы. Третьи уже давно ничего не доказывают. Просто не могут остановиться.

Профессиональные игроки вращаются по замкнутому кругу: проигрыш — выигрыш — проигрыш. Они — часть интерьера, часть «атмосферы», которую хозяева ценят так же, как в джентльменских клубах ценят эскортниц. Они нужны, чтобы у новичка загорелись глаза. Чтобы он поверил: здесь реально можно подняться.

Я видела людей, которые за один вечер выигрывали сумму, равную нескольким годовым зарплатам. И тех, кто через час проигрывал вдвое больше.

Самое удивительное — выражение лица у них часто было одинаковым.

Будто и победа, и поражение только подогревали желание продолжать.

У крупье существовал строгий кодекс.

Вежливость. Сдержанность. Точность. Никаких советов игрокам, никаких личных разговоров. На оскорбления не реагировать. На флирт — тоже.

Игрокам запрещалось прикасаться к дилерам. За соблюдением правил следила охрана, а каждое движение фиксировали камеры.

Я работала в самом популярном казино города — Lucky Night.

Оклад был средним. Чаевые — непредсказуемыми. Репутация профессии — сомнительной.

Но мне нравилась эта работа между нормой и риском.

Нравилось находиться там, где люди теряли контроль, а я обязана была его сохранять.

Изначально я пришла в казино хостес.

Встречать гостей. Улыбаться. Провожать к столам. Поддерживать разговоры.

Работа, за которую многие девушки готовы были душу продать.

Мне хватило одного вечера, чтобы понять: я умру от скуки.

Совсем другое дело — дилеры.

Я могла часами наблюдать за их движениями. Как они раскладывают фишки, работают с картами, ведут игру. Всё точно, быстро, почти беззвучно, как у хирургов. Их мастерство приводило меня в восторг.

Я решила: стану крупье.

На перекурах знакомилась с ребятами, расспрашивала о правилах, брала учебные материалы. Некоторые из них согласились показать мне основные приёмы.

А потом представился случай.

В пятницу, за несколько часов до открытия, один из сотрудников неожиданно уволился.

Директор был в бешенстве. Замены не нашлось.

И кто-то из парней предложил:

— Поставьте Кассандру. Она уже кое-что умеет.

Директор посмотрел на меня так, будто ему предложили доверить кассу обезьяне.

— Она же хостес.

— Я быстро учусь, — ответила я.

— Ты хоть колесо крутить умеешь?

— Могу показать.

Ребята засмеялись.

— Смотри, Кассандра. Подведёшь — отымеем.

— В очередь встанете, — ответила я.

До открытия оставалось два часа.

Я повторяла выплаты, отрабатывала движения, проговаривала ключевые фразы. Руки слушались хуже, чем хотелось. От волнения пересыхало во рту.

Потом переоделась.

Белая рубашка. Чёрная жилетка. Красный галстук-бабочка. Высокий тугой хвост.

Посмотрела на себя в зеркало.

И решила, что этого недостаточно.

Я привыкла использовать всё, что имела в распоряжении.

Если техника пока уступала опыту остальных, значит, придётся выигрывать вниманием.

Я нарисовала стрелки, наклеила ресницы, выровняла тон лица. Последним штрихом стала красная помада.

— Ты на рулетку или на конкурс красоты? — спросил один из дилеров.

— А почему нельзя совместить?

Ошибки в тот вечер были.

Я путалась, нервничала, несколько раз просила старшего дилера проверить выплаты.

Но не сбежала.

К концу смены руки перестали дрожать. Я начала слышать игроков, замечать их ставки, следить за столом, а не за собственным страхом.

Через несколько дней мне предложили остаться крупье.

Так я получила работу, которой добивалась.

И год спустя встретила Тимура.

Ему моя занятость не нравилась.

Совсем.

— Кассандра, ну зачем тебе это казино? — спрашивал он. — Найди что-нибудь другое.

— Например?

— Не знаю. Нормальную работу.

— А чем тебе это не нормальная работа?

— Там полно отморозков.

— Тимур, ты боксёр. Среди твоих знакомых их ещё больше.

— Не одно и то же.

— У меня удобный график, я могу учиться и зарабатывать. И мне нравится то, чем я занимаюсь.

— Я могу нас обеспечивать.

— Знаю.

— Тогда в чём проблема?

— В том, что я не хочу ни от кого финансово зависеть.

Обычно на этом разговор заканчивался.

До следующего раза.

Однажды после университетских занятий я заехала в Lucky Night забрать зарплату.

На выходе рядом со мной резко затормозила чёрная спортивная Toyota.

Я остановилась.

Из машины вышел мужчина лет тридцати. Высокий, смуглый, в тёмных очках и куртке с капюшоном.

Он улыбался так, словно мы уже были знакомы.

Я отвернулась и пошла дальше.

— Девушка! Подожди!

Я не остановилась.

— Кассандра!

Вот теперь остановилась.

— Что вам нужно?

Он подошёл ближе.

— Не узнаёшь?

— Должна?

— Вчера ночью. Рулетка. Я у тебя выиграл.

Я присмотрелась.

Кажется, действительно был такой.

— Поздравляю.

— Я первый раз в жизни пришёл в казино. И сразу выиграл. Представляешь?

— Бывает.

— Благодаря тебе.

— Не обольщайся. Я тут ни при чём.

— Да ладно, не скромничай.

— И советую больше не приходить. Новичкам дважды редко везёт.

— Я и не собирался. Сразу забрал выигрыш и ушёл.

— Правильно сделал.

Я попыталась обойти его.

— Подожди. Вот, возьми.

Он достал из кармана конверт.

— Что это?

— Десять процентов от выигрыша. Вчера чаевые не оставил по неопытности. Люди застыдили. Приехал исправить косяк.

— Не нужно.

— Почему?

— Потому что чаевые я принимаю только в казино. Сразу после игры. Фишками. Под камерами.

— Какая разница?

— Большая.

Я сделала шаг назад.

— Уберите деньги.

Он посмотрел на конверт, потом на меня.

— Ты всегда такая принципиальная?

— Когда незнакомые мужчины поджидают меня возле работы — особенно.

Он усмехнулся.

— Расслабься, Кассандра. Правда. Что ты так напряглась?

Он развёл руками, будто я не справедлива.

— Откуда вы меня знаете моё имя?

— Я много чего знаю.

Вот это «много чего» прозвучало не как флирт. Как предупреждение.

— Например?

— Например, что твой Тимур вряд ли обрадуется, если узнает, что я тебя напугал.

Я почувствовала, как похолодели пальцы.

— Вы кто такой?

— Друг.

— Чей?

— Пока ничей. Но можем познакомиться.

Я оглянулась.

У входа в казино стоял охранник. До него было всего несколько метров.

Мужчина заметил мой взгляд.

— Не переживай. Я не собираюсь тебя обижать.

— Тогда дайте пройти.

Он убрал конверт.

— Хорошо. Не буду задерживать.

Из другого кармана достал визитку.

— Если захочешь сменить работу — позвони. У нас есть интересные предложения для красивых и талантливых девушек.

— Спасибо, меня моя работа устраивает.

— Всё меняется.

Он протянул карточку.

Я взяла её, лишь бы закончить разговор.

— Станет интересно – звони или приходи. Буду ждать.

— До свидания.

— Тебя подвезти?

— Нет. Спасибо.

— До встречи, Кассандра.

Он произнёс это громко.

Слишком громко.

Я пошла прочь, не оборачиваясь.

Только когда Toyota уехала, остановилась и посмотрела на визитку.

Privat Club «PINK LADY»

Ильяс

Художественный руководитель

Телефон. Адрес.

Pink Lady и Lucky Night были двумя известными заведениями в центре города с похожей аудиторией. Разница была только в одном: в казино существовали правила, а в Pink Lady - нет.

Закрытые вечеринки. Богатые клиенты. Бизнесмены, политики, воры в законе, вместе с их жёнами, любовницами и понятиями.

Я никогда там не была.

И не собиралась.

Сунула визитку в карман и посмотрела на часы.

Чёрт.

Вика меня убьёт.

— Привет-привет! А вот и я!

Я обняла подругу и плюхнулась на стул напротив.

— Викусь, прости, что задержалась.

Она покачала головой.

— Ой, да ты как обычно. Не понимаю, зачем я каждый раз стараюсь прийти вовремя.

— Не обижайся. Я старалась, как могла.

— Плохо старалась. Иначе пришла бы ровно в шесть.

Я состроила виноватую улыбку.

— Прости-и-и…

— Ладно. Учитывая, что я не видела тебя полгода, пятнадцать минут — ерунда.

— Пина Колада?

— Лучше чай.

— Как скучно. Ладно, рассказывай. Как там твои бандиты?

— Какие мои бандиты? Я с бандитами не тусуюсь.

— А твои друзья-боксёры не бандиты, по-твоему?

— Я бы сказала… — Я задумалась. — Они скорее бойцы. Но не бандиты.

— Какая разница? Убить могут так же, если потребуется.

— Большая разница. Бандиты убивают, потому что им чья-то жизнь мешает. Бойцы — когда защищают чью-то жизнь. С первыми лучше не связываться. С последними дружить можно. Главное — научиться различать.

— Ты просто не знаешь.

— И не хочу знать.

Вика вздохнула, но не отступила.

— Бог с ними, с боксёрами. Но не прикидывайся, что бандитов рядом с тобой нет. Одно твоё казино чего стоит.

— Это другое. Это работа. И что ты заладила: «Бандиты, бандиты»? Тебе бандита найти? Остроты не хватает?

— Да что их искать? Куда ни плюнь — все по понятиям живут. Наоборот, хочется нормального хорошего мужика. Но где его найти?

Я улыбнулась.

— А я вот, кажется, нашла.

— Да ладно? Любовь прям?

— Не то слово. Я даже не знала, что так бывает.

— И как его зовут?
— Тимур.
— Бандит?
— Да ты достала.
— Шучу. Боксёр?
— Самый лучший.
— И давно вы вместе?
— Полгода. Именно поэтому я и пропала со всех радаров.
— И живёте вместе?
— Да.
— То есть всё серьёзно.
— Самой не верится.
— Ну классно. Я рада за тебя.
— Спасибо.
— И как тебе совместная жизнь?
— Очень круто! Я по-другому уже не представляю, как жить.
— И прям готовишь там ему?
— А как без этого?
— И стираешь носки, трусы, футболки гладишь?
— И даже минет по расписанию, Викусь. Не завидуй.
— И когда свадьба?
— Через три месяца!
— Я в шутку спросила, — она аж поперхнулась. — Серьёзно?
— Свидетельницей будешь?
— Реально? Охренеть! А ты не беременна?
— Нет. Я просто сказала «да». — И показала безымянный палец.
— Блин! Обручальное кольцо! Я даже не заметила!
Вика схватила меня за пальцы.
— А как он сделал предложение?
— Всё-таки он и правда боксёр! Романтика не его сильная сторона, — усмехнулась я. — Втайне попросил моей руки у отца, как полагается. Пришёл домой вечером с тренировки в одной боксёрской перчатке и сказал: «Руку свело, не могу снять. Помоги». Я стянула с него перчатку. Он разжал кулак — а там кольцо в ладони.
— И ты согласилась?
— Сначала расплакалась.
— Ты?!
— Да, Вика. У меня тоже есть слёзные железы.
— А потом?
— А потом согласилась.
Она смотрела на меня несколько секунд.
— Ну ты даёшь.
— Сама в шоке.
— Счастлива?
Я не задумывалась.
— Очень.
Вика улыбнулась.
— Тогда я рада за тебя.
— Так как? Свидетельницей будешь?
— Ещё спрашиваешь!

Мы обнялись через стол.

Я не знала, что через год после свадьбы, буду вспоминать этот разговор совсем с другими чувствами.

Год и три месяца спустя

— Останови машину!

Тимур даже не повернул головы.

— Кассандра, успокойся.

— Я сказала, останови!

— Мы на трассе!

— Тогда съезжай на обочину!

Он стиснул руль.

— Мы можем поговорить дома?

— Нет!

Я схватилась за ручку двери.

— Или ты останавливаешь, или я выхожу на ходу!

Тимур резко посмотрел на меня.

— Ты совсем с ума сошла?!

Он сбросил скорость, свернул на обочину и ударил ладонью по рулю.

— Пожалуйста. Выходи. Только прекрати орать.

Я выскочила из машины и пошла прочь.

Куда — понятия не имела.

Под ногами хрустел гравий. Мимо с шумом проносились автомобили.

Тимур догнал меня.

— Кассандра! Стой!

Он схватил меня за локоть.

— Отпусти!

Он разжал пальцы.

— Хорошо. Только давай поговорим нормально.

— Мы уже говорили нормально! Десять раз! Сто!

— Потому что ты не хочешь меня слышать!

Я резко повернулась.

— А ты меня слышишь?!

Он выпустил воздух сквозь зубы — как перед ударом. Спокойствие боксёра, который умеет терпеть боль, но не умеет терпеть чужие эмоции.

— У меня нет другого выбора.

— Всегда есть выбор. И ты выбрал самый худший вариант.

Я резко повернулась к нему. Внутри всё кипело.

— Мы не так планировали. Ты обещал, что всё будет по-дугому.

— Я не могу пока.

— Ты просто не хочешь.

Он отвёл взгляд.

Я почувствовала, как к горлу подступают слёзы.

— Я устала так жить. Понимаешь? Устала просыпаться ночью и проверять телефон. Устала ждать, когда ты вернёшься. И гадать, вернёшься ли вообще.

— Кассандра…

— Нет, дай договорить.

Я сделала вдох.

— Теперь Борз. Ты вообще понимаешь, с кем собираешься выйти на ринг?

— Прекрасно понимаю.

— Значит ты идиот и добровольно решил остаться инвалидом.

Тимур сжал челюсти.

— Спасибо за поддержку.

— Все знают, кто такой Борз. Он зверь. Кровожадный. Жестокий.

— На ринге будет судья.

— И это тебя успокаивает?

Он отвернулся.

— Я не собираюсь проигрывать.

Слова выходили коротко, как удары.

— Ни один здравомыслящий спортсмен не согласится добровольно на бой с ним. Кроме такого дурака, как ты.

Тимур дёрнул плечом, как будто я ударила его по лицу.

— Охренеть. Если собственная жена в меня не верит…

— Я верю в тебя! — резко перебила я, сама испугавшись своей громкости. — Я перестаю повторять, что ты лучший в городе. И не только я так считаю.

Я глубоко вдохнула и продолжила — уже тише, но страшнее:

— Но это не значит, что вся наша жизнь должна стоять на твоих кулаках. То разборки. То сходки. То «надо заступиться». То «надо прикрыть». А теперь ещё и Борз Вахаев. Я не верю в честный поединок. Он не уважает правил. Для него ринг — не спорт. Для него ринг — поле битвы. До крови. До конца.

Слово «конец» повисло между нами, как приговор.

Тимур смотрел на меня и впервые не злился. Он будто измерял глубину моей паники и пытался решить, как её обезвредить.

— Вот только не надо меня хоронить заранее.

— Кто тебя уговорил?

— Никто меня не уговаривал.

— Ты врёшь.

Он резко выдохнул.

— Кассандра, хватит. Я сам принял решение.

— И теперь мы оба должны с ним жить.

— Да.

Я отвернулась.

Несколько секунд мы стояли молча.

Машины проносились по трассе, обдавая нас порывами холодного воздуха.

— Я хочу, чтобы у нас была другая жизнь, — сказал Тимур уже тише. — Чтобы тебе не приходилось работать ночами в этом казино. Чтобы мы могли уехать куда захотим. Чтобы у наших детей было всё.

— Мне не нужно всё.

— Знаю.

— Тогда почему ты не можешь остановиться?

Он подошёл ко мне.

— Потому что я ещё не сделал того, на что способен.

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Не деньги.

Не только деньги.

Ему нужно было доказать что-то самому себе.

И никакие мои слова не могли сделать это за него.

— Ты ведь всё равно выйдешь на ринг? — спросила я.

— Да.

— Даже если я попрошу не выходить?

Он помолчал.

— Да.

Мне стало холодно.

Тимур протянул руку, но не коснулся меня.

— Кассандра, я люблю тебя. И не хочу терять.

Он обнял меня.

Сначала осторожно, будто не был уверен, что я позволю.

Потом крепче.

— Мне страшно, — прошептала я.

— Я знаю. — Он прижал меня крепче. — Но ты сильная. Сильнее меня.

Он выдохнул и сказал так, будто от этого зависела реальность.

— Я выиграю этот бой. Клянусь тебе.

И вот здесь меня накрыло. Глаза снова наполнились слезами. Я уткнулась лицом в его грудь — широкую, горячую — и боялась открыть рот. Потому что, если бы сказала хоть слово, разрыдалась бы вслух. Решение уже было принято. И никакой ультиматум «я или бой» не остановил бы его.

— Поехали домой?

— Поехали.

Он открыл дверь машины. Я смиренно села.

— А что говорит тренер?

— Будет тяжело. Мы шли к этому много лет. У меня ещё полгода. Шансы есть.

— Когда тренировка?

— Завтра в семь утра.

Я посмотрела на часы.

— Значит, у нас осталось двенадцать часов спокойной жизни…

— Не в бровь, а в глаз. — Он улыбнулся и поцеловал меня в макушку — собственнически и нежно, как умел только он.

— А на диету ты садишься когда?

— Уже.

— Может, заскочим в «Макдоналдс» напоследок?

— Перед смертью не надышишься.

— В бургерах тоже есть протеин.

— Умеешь ты уговаривать. Погнали.

Мы рассмеялись и сделали вид, что уже успокоились. В тот вечер мы не говорили больше о шести месяцах, которые должны были испытать нас на прочность. Мы просто любили друг друга — в кафе, по пути домой, а потом долго и жадно в постели. Мы занимались любовью, не пытаясь ничего доказать друг другу и не обещая того, чего не могли гарантировать.

За окном уже светало. Тимур видел десятый сон. А я так толком и не спала. Лежала рядом с ним, прислушиваясь к его дыханию.

На тумбочке стоял будильник.

До первой тренировки оставалось меньше часа.

Я протянула руку и коснулась его плеча.

Он даже во сне накрыл мою ладонь своей.

Я хотела разбудить его.

Попросить ещё раз подумать.

Сказать, что мне не нужны ни титулы, ни деньги, ни жизнь другого уровня.

Но не сказала.

Я понимала: единственное, что ему сейчас необходимо, — моя любовь, а не моя защита.

Глава 4
Отсчёт начался

Мы снимали маленькую двушку в девятиэтажке в центре — такую, про которую говорят: «Пока так». Мы мечтали о большой собственной квартире.

Было одиннадцать вечера, когда я вернулась со смены в казино. Вошла тихо, на носочках, стараясь не стучать каблуками. Прикрыла дверь спальни, прежде чем включить свет. Последние дни Тимур спал беспокойно.

На столе лежал плакат. Я сразу поняла, что это, ещё до того, как прочитала. Бумага пахла типографской краской.

«ВЕЧЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БОКСА. 20 ФЕВРАЛЯ 2006 ГОДА. ДК „МЕГА СПОРТ“».

К плакату степлером был приколот лист со списком участников. Я пробежала глазами по фамилиям и остановилась.

Борз Вахаев. 33 года, 90 кг, рост 192 см. Россия, Чечня. Непобеждённый боксёр-профессионал, выступающий в первом тяжёлом весе. Бывший чемпион Европы среди любителей. Профессиональный рекорд: 18 побед в 18 поединках, все — нокаутом.

Тимур Атаманов. 27 лет, 89 кг, рост 187 см. Россия. Непобеждённый боксёр-профессионал первого тяжёлого веса. Мастер спорта России, бывший чемпион России среди любителей. Профессиональный рекорд: 9 побед в 9 поединках, 4 — нокаутом.

Я ещё раз посмотрела на эти цифры.

Восемнадцать нокаутов.

Девять побед.

И всего один бой, после которого наша жизнь могла измениться.

Я налила крепкого чая, села за стол и разложила конспекты. Очередной экзамен. Очередная сессия. Очередной этап на пути к диплому и настоящей профессии.

За последние четыре месяца я устала так, что иногда тихо ненавидела всех — даже тех, кого любила.

Лето пролетело незаметно. Осень прошла мимо. И вот уже подкрался Новый год.

Учебник по мировой экономике быстро перевёл моё состояние из депрессии в психоз, граничащий с отчаянием. Я тупо заучивала фразы, не понимая смысла. Слова складывались в предложения, но не в знания. Мысль «Я это никогда не сдам» поселилась в голове и стала там хозяйкой.

Сама не заметила, как уснула — лицом в тетрадь.

— Кассандра… Просыпайся. — Голос Тимура выдернул меня из сна. — Ты тут всю ночь провела?

Я резко вскочила.

— Тимур… Сколько времени?

— Восемь тридцать.

Мир качнулся.

— Блядь. Экзамен в девять. Я не успею.

Я металась по комнате, не понимая, за что хвататься. Тело болело так, будто меня били. Голова не соображала.

— Ты во сколько встал? Почему ты меня не разбудил? У тебя же всегда будильник в шесть тридцать.

— Я только встал. Завтра Новый год. Тренер уехал. Я вечером в зал.

— Почему именно сегодня?.. — Я задыхалась от злости и паники, швыряя в сумку всё подряд. — Почему всегда именно так?

Тимур смотрел на меня несколько секунд, думая, как помочь.

— Хватит истерить. Обувайся. Я вызову такси.

— Какое такси? Ты что, не можешь меня отвезти?

— Не могу. У меня встреча в девять.

— Ну пожалуйста…

— Кассандра, у меня дела посерьёзнее твоего экзамена.

Это слово — «посерьёзнее» — щёлкнуло по нерву.

— Мне нужна твоя помощь. Ты не понимаешь?

— Я не шофёр, Кассандра.

— Ты хочешь, чтобы меня отчислили?

— Хватит орать. Ты время теряешь.

— То есть ты не отвезёшь?

— Я сказал: не могу.

— Ну и пошёл ты на хуй!

Тишина.

Тимур сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Мы смотрели друг на друга в упор, как два зверя в клетке — оба уставшие, оба на грани.

— Повтори.

— Что слышал.

Он тяжело вдохнул, как после раунда.

— Вышла отсюда! Такси на улице.

Я вылетела из квартиры и разрыдалась уже в лифте.

Таксист гнал по моей просьбе так, будто тоже боялся опоздать на экзамен. Я пробегала глазами вопросы на ходу и понимала: мои шансы — пятьдесят на пятьдесят.

До университета добрались почти вовремя.

Расталкивая вяло идущих студентов, я взлетела на третий этаж и увидела одногруппниц, спокойно стоящих у окна.

— Привет.

— Привет, — равнодушно сказала Ника.

— Экзамен ещё не начался?

— Так ещё тридцать минут.

Я замерла.

— В расписании девять ноль-ноль.

Ника улыбнулась — тонко, мерзко.

— На парах надо до конца сидеть, чтобы не пропускать важное.

— Вы же знаете, что если я ухожу чуть раньше, то потому что мне надо на работу. Нельзя было позвонить? Предупредить?

— Подумаешь. На полчаса позже.

— Можно подумать, вы бы побеспокоились обо мне, если бы перенесли на полчаса раньше.

Я отвернулась к окну и уткнулась в конспекты, делая вид, что не слышу их смеха.

— Ника, какая же ты всё-таки сучка! — посмеялась Кристина.

— Ой! А она как будто лучше.

— Да ладно тебе. За что ты так её ненавидишь?

— А сами-то?

— А мы-то что? Нам вообще плевать.

— Ну вот и мне плевать.

— Может, скажем ей, что знаем, как лежат билеты?

— Ага! Разбежались! Жирно ей не будет? Не сдаст — так ей и надо. Нехер пары пропускать. Ходит тут, звезда-пизда. Мужики. Казино. Зачем ей универ? Пусть валит отсюда.

— Прости, Ник, я была не права. Ты не сучка! Ты настоящая сука! — снова засмеялась Кристина.

— Притом злая! — добавила Оксана.

— Не злая, а справедливая, — самодовольно ответила Ника.

Я не повернулась. Не дала им удовольствия.

Дверь аудитории распахнулась.

Я направилась к входу.

— Кассандра, притормози. Куда ломанулась вперёд всех? Ты последняя пришла, значит, последняя и заходишь. Мы очередь распределили, вообще-то. — Ника вошла в роль, играя на публику.

— Да пожалуйста. Какая мне разница!

Я улыбнулась так, как нас учили в казино, — «улыбкой Джокера». Ника могла сколько угодно провоцировать меня. Я не собиралась устраивать ей представление.

В аудитории стояла Инга Ивановна Сухановская — заместитель заведующего кафедрой, кандидат наук, доцент. Невысокая блондинка в мужском костюме, больших круглых очках, с тонкими губами. В ней было что-то от строгой школьной линейки и судебного приговора одновременно.

Мировая экономика была профильным предметом.

Я уважала Сухановскую как преподавателя, но прекрасно знала её отношение к студентам вроде меня — тем, у кого существовала жизнь вне университета.

Она любила повторять, что «кафедра маркетинга нашего вуза не имеет права выпускать плохих экономистов». По её убеждению, хорошими специалистами становились только те, кто пять лет учился «от звонка до звонка», без отвлечений и компромиссов. Особым доказательством усердия считалось посещение её студенческого клуба Economic Brain во внеурочные часы.

У меня на это не было ни времени, ни желания.

Десять человек передо мной вытянули билеты и выглядели подозрительно довольными.

Я сразу поняла: без меня здесь о чём-то договорились.

Подошла к столу и взяла билет.

Не повезло. Тему знала плохо.

Первый порыв — уйти. Записаться на пересдачу и больше не видеть лиц моих одногруппников-предателей.

Но потом во мне сработал старый добрый инстинкт: нельзя сдаваться без боя.

Ничего героического. Просто выживание.

Я села за первую парту, рядом с преподавателем, и стала слушать ответы других. Записывала полезные тезисы, выстраивала свой вариант.

Через час аудитория опустела.

Остались только я и Инга Ивановна.

За это время у меня получился конспект, вполне достойный проходного балла.

— Инга Ивановна… Мне можно отвечать?

— А зачем?

Она даже не посмотрела. Просто поднялась, собираясь уйти.

— Я не понимаю. А экзамен?

Она повернулась медленно.

— Думаешь, я не видела, как ты записывала за отвечающими?

— Я слушала. Делала заметки.

— Не ври. У меня двадцать пять лет стажа. Я вас насквозь вижу.

— Вы меня даже слушать не будете?

— Второй раз слушать то, что уже сказали, — не хочу. А ничего нового ты и не скажешь.

— Нельзя же так…

— Нельзя так безответственно относиться к моему предмету.

— Я учила. Я всю ночь не спала… — Голос дрогнул, и я сама это ненавидела. — Дайте мне шанс.

— Ночи недостаточно, дорогуша. Надо было весь год учиться, а не жениться.

— Вы имели в виду «замуж выходить»?

— Не умничай. Я хорошо знаю таких, как ты. Веселитесь, учитесь кое-как, надеетесь, что всё достанется «за красивые глазки»… Вернее, через постель.

Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее и чёрное.

— При чём здесь моя личная жизнь? Что вы вообще знаете обо мне?

— О тебе тут всем всё известно. Не строй из себя бедную овечку.

— Вы верите слухам студентов?

— Я сама всё вижу. Пропуски — тому пример.

— Я очень редко пропускала.

— Восемь пар за семестр.

— У меня работа.

— Какая? Мужиков сопровождать в развлекательных заведениях?

— Я замужем.

— Не смеши меня. Я не верю в молодые браки. В твои годы надо думать об учёбе.

— Почему я должна выбирать между семьёй и учёбой?

— Потому что всё сразу иметь невозможно.

Слёзы подступали — от бессилия, от унижения, от невозможности доказать свою правду словами.

— Что вы знаете о любви, Инга Ивановна?..

— А что ты знаешь о мировой экономике?

— Точно больше, чем вы — о любви.

Тишина стала свинцовой.

— Всё. Разговор окончен. Пересдача двадцатого февраля в семнадцать ноль-ноль. Вон из аудитории.

Двадцатого.

В день боя.

Я бросилась к ней.

— Подождите… Я не могу в семнадцать. У мужа бой.

Она посмотрела на меня так, будто я сказала что-то неприличное.

— Какой ещё бой?

— Чемпионат Европы… Он участвует. Я должна быть с ним.

— Выбирай, что дороже: не быть отчисленной или шоу посмотреть.

— Вы специально… Почему вы так жестоки? Что я вам сделала?

— Не разводи драму. Не терплю слёз. Пересдача общая. А сейчас — покинь аудиторию.

Я выбежала в коридор и застыла.

Студенты смеялись, ели, пили чай — жили привычной жизнью.

А я пахала полгода без сна и отдыха, разрываясь между учёбой, работой и мужем, — и оказалась на грани отчисления с репутацией, о которой даже не подозревала.

Как так?

Я отошла к окну, подальше от людей, и мысленно разложила всё по пунктам — грубо, честно, по-своему.

Сухановская — тварь.

Ника — тварь.

Её подруги — такие же.

И они считают тварью меня.

К чёрту!

Мне нужен был кофе. Срочно. И булочка. И хоть одна маленькая идея, как удержаться на плаву.

Может, если попросить разрешения сдать экзамен в другой день, появится шанс попасть к другому экзаменатору?

Я поднялась в деканат. Там Сухановская что-то возмущённо рассказывала коллегам.

Посмотрела ей в глаза — и вышла, хлопнув дверью.

Внутри закипела бунтарская кровь.

Все против одного.

Значит, один против всех.

Я пошла к ректору.

Секретарь встретила меня холодно.

— К нему так просто нельзя.

— Мне нужно пять минут. Сегодня канун Нового года. Это важно.

— Он сейчас занят.

— Я подожду.

Я села на стул у двери, пытаясь унять дрожь. От стресса даже имя ректора забыла.

Спасибо, на стене висела его фотография с ФИО.

Потом дверь открылась, и он появился сам.

Геннадий Павлович. Солидный, седой, с лицом академика.

Я вскочила и выпалила на одном дыхании:

— Здравствуйте. Я Кассандра Атаманова, студентка четвёртого курса. Мне нужно с вами поговорить.

Секретарь раздражённо вмешалась:

— У неё не назначено…

Он поднял на неё взгляд — спокойный, но озадаченный — и сказал:

— Проходите.

В кабинете пахло бумагой, чернилами и властью.

— Представьтесь ещё раз.

— Кассандра Атаманова.

— Очень приятно. Рассказывайте.

Я старалась говорить ровно. О важности университета в моей жизни. О мечте закончить его с красным дипломом. О том, что вышла замуж, стала больше работать. И мне сложно.

— Это всё похвально, — тактично остановил он меня. — Но давайте ближе к делу.

— Простите. Я, наверное, слишком много говорю. Итак… — Я попыталась сконцентрироваться. — Как выяснилось, у людей обо мне другое мнение. За спиной много ложных сплетен. Из-за этого появились проблемы.

— С кем проблемы?

— С одногруппниками и одним преподавателем.

— С кем конкретно?

— С Ингой Ивановной Сухановской.

— И в чём это проявляется?

— Одногруппники меня бойкотируют и, мягко говоря, ведут себя некрасиво. Но с ними я разберусь самостоятельно. Что касается Инги Ивановны, нам совсем не удаётся найти общий язык. Настолько, что она меня даже слушать не желает. Я её уважаю. Она прекрасный педагог. Но прошу вас дать мне разрешение сдать экзамен по мировой экономике у другого преподавателя, иначе, боюсь, этот вопрос не решится.

— Нет, не думаю, что это возможно.

Он отказал мягко, как отказывают взрослые люди детям, которые ещё верят, что справедливость — это процедура.

— В таком случае можно сдавать в присутствии комиссии?

— Комиссию мы собираем в особых ситуациях. Я поговорю с Сухановской.

— Геннадий Павлович… — Голос снова дрогнул. — Пересдача назначена на 20 февраля в пять вечера. Мой муж профессиональный боксёр. В этот день в это время будет главный бой вечера профессионального бокса в ДК «Мега Спорт». Самый важный момент за всю его спортивную карьеру. Я не могу разорваться.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Мы подумаем. Постараюсь помочь. А теперь ступайте.

Я вышла из кабинета, как после исповеди: не спокойнее — но легче.

Дома я рухнула на кровать и уснула.

Проснулась в шесть вечера.

Квартира была тёмной и пустой, хотя Тимур уже должен был вернуться.

Мы редко ссорились — обычно мирились быстро. Но сегодня утром разошлись на пике злости.

Я решила: он в зале. Бьёт грушу. Сбрасывает раздражение.

Тридцать первое декабря выдалось тяжёлым — тем самым днём, когда ты должен «быть счастливым», даже если внутри у тебя выжженная земля.

До Нового года оставалось несколько часов. А мне ещё предстояло понять, как жить дальше.

Я попыталась включить праздничное настроение: приняла душ, накрасилась, уложила волосы. Надела короткое красное вязаное платье и новый комплект кружевного белья — красный, с чёрными чулками.

Десять градусов мороза — не повод отказываться от любимого образа. Тем более если есть песцовая шуба.

Я поехала к нему.

Машина Тимура стояла у старого ДК, цокольный этаж которого давно стал боксёрским залом — «кузницей чемпионов».

На входе сидел охранник — Сан Саныч. Он знал меня и пропустил без вопросов.

Пока я шла по длинному коридору, эхо ударов стихло.

Я заглянула в дальний зал.

Тимур стоял один в центре ринга и бил воздух.

Свет горел тускло — один прожектор. Он двигался медленно, словно в замедленной съёмке.

Не тренировался — гасил печаль.

Пот блестел на его спине, как масло. Шорты сползли чуть ниже.

Он был одновременно драматичным и бесстыдно красивым.

Я вошла в зал и молча встала у стены.

Тимур почувствовал мой взгляд и остановился.

— Я так и знала, что ты здесь.

— А где мне ещё быть?

— Точно не здесь. Хотя бы не в новогоднюю ночь.

Он усмехнулся без радости.

— Я себя, может, так наказываю.

— За что?

Он опустил голову.

— За то, что я дебил.

— Не говори так.

— Прости меня. За утро. За всё.

Он поднял глаза.

— Если бы не ты, ничего бы не было. Ты ведёшь меня к победе. Я не понимаю, как ты всё тащишь одна — и терпишь меня.

Пауза.

— Ты такая красивая сейчас… Я тебя не достоин.

Я подошла ближе.

— Тимур. Хватит. Всё нормально.

Он сжал канат ринга.

— Ты моё всё. Ты понимаешь? Моё всё.

Тимур не любил говорить о чувствах. Особенно когда чувствовал себя виноватым. Ему проще было принять удар, чем признать, что он причинил боль.

Но сейчас передо мной стоял не непобеждённый боксёр, а мой муж.

Мой спартанец.

Сильный снаружи и нежный внутри.

Я лёгкой поступью подошла ближе к рингу.

Тимур окинул меня голодным, волчьим взглядом — готовый наброситься, проглотить целиком.

И сказал тихо:

— Иди ко мне.

Дальше всё происходило без слов. Тимур притянул меня к себе. В его движениях не было ни суеты, ни грубости — только сила и уверенность человека, для которого мир сузился до одного тела. Моего. В тот момент всё, что между нами копилось неделями, взорвалось. Я чувствовала, как дрожит воздух вокруг нас. Мы словно сражались и занимались любовью одновременно — на собственном ринге, где не было правил, только инстинкт и страсть. Это была не «нежность». Это было возвращение. Из злости — в близость. Он был в своей стихии — властвующий, сосредоточенный, живой до последней клетки. Его энергия накрыла меня, как волна. Его руки, тяжёлое дыхание, горячая кожа. Канаты за спиной. Холодный воздух пустого зала.Свет прожектора резал полумрак. На стене двигались наши огромные тени, навсегда становясь частью тайной истории этого дома культуры.

После двух эротичных раундов я уже не могла встать на ноги. Так и осталась лежать голая посреди ринга.

Тимур укрыл меня шубой и сел рядом.

— Неизвестно, конечно, станешь ли ты чемпионом мира по боксу. — Я улыбнулась сквозь усталость. — Но однозначно, ты уже чемпион мира по сексу.

Он рассмеялся в голос. Так, как я давно не слышала.

— О лучшем титуле я бы и мечтать не мог.

— Только без профессиональных «порно-соревнований», ладно?

— Сам не хочу!

Он посмотрел на часы.

— Сколько там времени? Какие у нас планы? – спросила я.

— Почти десять вечера. Пацаны, наверное, уже в ресторане. Нас там тоже ждут. Хочешь поехать? Уютное место. Зимняя веранда. И отменный шашлык.

— Я без сил. Но Новый год всё-таки.

— Как скажешь. Но я голодный, как зверь!

— Давай! Поехали.

— Отлично. Одевайся тогда и погнали. Ты, кстати, экзамен сдала?

Я закатила глаза.

— Не напоминай. Если бы Сухановскую кто-то трахал так же, как ты меня, моя жизнь в универе была бы спокойнее.

— Звучит честно.

На выходе Тимур пожал руку Сан Санычу и аккуратно вложил ему деньги в кулак.

— Прости, отец, задержались.

— Да не надо…

— Надо. С Новым годом.

— Все уже празднуют, а ты никак не натренируешься, — буркнул старик.

— Так получилось.

Сан Саныч посмотрел на него внимательно.

— Ну спасибо, чемпион.

В ресторане было шумно, жарко, весело.

Смех, водка, мясо, музыка.

Под это легко было делать вид, что всё классно.

00:00

Тимур наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— С Новым годом, солнце. Люблю до смерти.

— Я тоже тебя люблю.

Он поднялся.

— Ребята, минутку внимания!

Кто-то заорал:

— Опять свадьба?

— Кассандра беременна?

Тимур улыбнулся.

— Не об этом. Я тост скажу. Долго говорить не умею, поэтому коротко. Спасибо вам за дружбу. За поддержку. За то, что вы есть. Вы мне как братья.

Загудели:

— Красавчик!

— Молодца!

Тимур поднял руку.

— И отдельно спасибо моей жене.

Он посмотрел на меня — прямо, счастливо, с гордостью.

— Кассандра. Ты изменила мою жизнь. Ты придала ей смысл. Ты мой стимул. И если я одержу победу — знай: это победа для тебя.

Он полез в карман и достал ключи.

— Я не купил подарок. Прости. Поэтому дарю тебе мой джип.

Шум поднялся мгновенно.

— О-о-о!

— Вот это мужик!

— Кассандра, теперь ты нас возить будешь!

Я смотрела на ключи. Потом на него.

Мы копили, считали деньги, строили планы. А он только что подарил мне машину.

Совершенно в его духе.

Тимур обнял меня и поцеловал — с той же страстью, что пару часов назад на ринге.

Друзья кричали, смеялись, поднимали бокалы.

И всё же за праздничным шумом чувствовалось напряжение.

Никто не говорил об этом вслух, но все понимали: на кону не просто спортивная победа.

За предстоящим боем стояли большие люди.

Их деньги. Их власть. Их интересы.

Здесь правила устанавливают не те, кто выходит на ринг.

В ту ночь начался отсчёт.

Пятьдесят дней до боя.

Глава 5
Поединок № 10

20 февраля 2006 года.

График плотный. День волнительный.

Я так и не узнала, что произошло после моего визита к ректору, но пересдачу по мировой экономике перенесли на девять утра.

За последние полтора месяца я успела морально подготовиться к возможному отчислению. И странно — это перестало меня пугать.

В университет я приехала за полчаса до начала. Материал знала наизусть. Тревога постепенно росла, но не за себя. На фоне сегодняшнего боя всё остальное казалось мелким.

В 8:50 пришла Сухановская. Ни взгляда, ни приветствия. Просто открыла аудиторию и начала раскладывать билеты.

Других студентов не было.

— Здравствуйте, Инга Ивановна. Экзамен уже начался? Можно взять билет?

Тишина.

Сухановская взглянула на часы и встала возле окна ко мне спиной.

Я села за парту, не понимая, как себя вести.

Ровно в девять в дверях появился ректор.

— Здравствуйте, Геннадий Пав… — обрадовалась я.

— Геннадий Павлович, доброе утро, — перебила меня преподаватель.

— Здравствуйте. Начнём, — спокойно сказал он.

— С вашего позволения. Атаманова, берите билет.

Я взяла билет и начала отвечать без подготовки.

Говорила уверенно, чётко, по существу. Всё, что ещё недавно представлялось бессмысленным набором экономических терминов, теперь выстраивалось в стройную систему.

Ректор слушал внимательно, иногда кивал.

Инга Ивановна не произнесла ни слова.

Закончив, я вышла в коридор ждать решения.

Через десять минут Геннадий Павлович вернул мне зачётку.

«Отлично».

— Молодец. Продолжай в том же духе, — добавил он. — С тебя будет особый спрос.

— Спасибо вам за всё.

— Сегодня у твоего мужа соревнования? Я верно помню?

— Да. Я к нему сейчас.

— Желаю победы!

Я вышла из университета с пятёркой в зачётке. Впервые за несколько месяцев мне не нужно было никому ничего доказывать.

По крайней мере, до следующей сессии.

Ещё утром я допускала мысль, что могу не получить диплом в этом году. Теперь решила твёрдо: закончу с отличием.

Но головой уже была в другом месте.

Огромный баннер у ДК «Мега Спорт» был виден ещё с остановки.

Два лица.

Две фамилии.

ВАХАЕВ — АТАМАНОВ.
ГЛАВНЫЙ БОЙ. КТО КОГО?

Глядя на него, я испытывала одновременно гордость и страх.

До начала оставалось семь часов, но вокруг уже кипела работа. Организаторы настраивали свет, проверяли микрофоны, тянули кабели. У служебного входа разгружали оборудование. Возле касс собирались первые зрители.

Для них — обычный рабочий день.

Для меня — день, от которого зависело всё.

К спортсменам можно было попасть только через служебный вход.

Меня не пускали.

— Только тренеры и участники, — повторили охранники.

Если бы не экзамен, мы с Тимуром приехали бы вместе. А теперь я стояла перед закрытой дверью и не могла до него добраться.

Телефон Тимура не отвечал. Наверняка оставил его в раздевалке.

Я ждала на морозе, переминаясь с ноги на ногу, высматривая хоть кого-нибудь, кто мог бы передать ему, что я здесь.

Десять минут.

Двадцать.

Сорок.

Час.

Чёртов целый час!

Я готова была рвать и метать, но не двигалась с места. Отойдёшь на минуту — и именно тогда, по закону подлости, представится шанс.

За мутным стеклом КПП сидели двое охранников. На двери висели инструкции: «Посторонним вход запрещён», «Двери держать закрытыми», «В случае пожара нажать красную кнопку».

Всё предусмотрели.

Кроме жены боксёра, которую забыли внести в список.

Наконец дверь открылась. Я перехватила парня с бейджиком «Участник» и попросила передать Тимуру, что жду его на улице.

Через десять минут вышел тренер.

— Руслан Викторович! Наконец-то! Я думала, не дождусь уже!

— Кассандра, подожди. Тимура лучше не отвлекать. Не стоит тебе заходить.

— Вы серьёзно? С чего вдруг? Почему? Я с ним должна быть. Он ждёт меня. Ему нужна моя поддержка.

— Кассандра, не спорь, — сказал он сухо. — Ему нужна концентрация.

В груди всё сжалось.

— Пожалуйста. Мне нужно его увидеть.

Сзади раздался голос:

— Руслан Викторович, что происходит?

Тимур.

— Я здесь! — крикнула я.

— В чём дело? Почему я не в курсе, что Кассандра ждёт?

— Не заводись! — ровным тоном ответил тренер. — Она только пришла.

Он посмотрел на меня жёстко.

— Я поднялся, чтобы её пропустили. Так ведь?

— Да! — ответила я.

Тимур обнял меня за плечи, и мы прошли внутрь.

Я не стала рассказывать, сколько времени простояла на морозе. Ему действительно нельзя было сейчас нервничать.

В час дня все посторонние должны были покинуть зону подготовки спортсменов.

У нас оставалось пятнадцать минут.

Мы зашли в раздевалку и остались наедине.

Тимур сел на скамейку у стены и уткнулся лбом мне в живот.

Я положила ладонь ему на затылок.

— Ты сдала?

— На «отлично».

— Я и не сомневался. Зря боялась.

— Ещё больше я боялась, что не успею тебя увидеть перед боем.

— Вот это вообще зря. Всех предупредили, чтобы тебя впустили сразу, как ты придёшь.

Я провела пальцами по его коротким волосам.

Он сидел неподвижно, обняв меня за талию.

Мы молчали.

Я чувствовала тепло его лба сквозь одежду. Слышала, как за дверью кто-то смеётся, хлопают дверцы шкафчиков, тренеры переговариваются между собой.

Там продолжалась подготовка к большому вечеру.

А здесь, в маленькой раздевалке, было только пятнадцать минут на двоих.

Я держала его за руку и мысленно благословляла.

Наши друзья приехали к пяти, как и обещали, заранее позаботившись о хороших местах.

В ДК было не протолкнуться.

В центре зала возвышался профессиональный ринг, залитый белым светом прожекторов. Вокруг разместились судьи, журналисты, представители организаторов и почётные гости. Над первыми рядами поднимались камеры. По обе стороны ринга стояли столики, за которыми сидели люди в дорогих костюмах.

Я узнала нескольких.

Они не были боксёрами. Не были тренерами.

Но именно такие люди решали, кто получит шанс выйти на большой ринг.

В программе значилось несколько профессиональных поединков. Главным событием вечера должна была стать встреча двух непобеждённых тяжеловесов первого тяжёлого веса.

Борз Вахаев.

Тимур Атаманов.

Десятый профессиональный бой моего мужа.

Настроение у ребят было на подъёме. Они шутили, спорили, обсуждали предыдущие поединки и делали прогнозы. Один уже пообещал проставиться всем, если Тимур отправит Борза в нокаут.

Я улыбалась вместе с ними.

Имя моего мужа звучало повсюду. Его фотографировали ещё до выхода на ринг, о нём говорили незнакомые люди.

Но привлекать внимание к себе за его счёт было не в моём стиле.

Я хотела одного: чтобы он победил и вернулся домой.

20:00.

Свет над зрительскими рядами погас.

Зал загудел.

Ведущий вышел на ринг с микрофоном.

— Дамы и господа! Мы подошли к главному событию сегодняшнего вечера! Впереди — рейтинговый поединок в первом тяжёлом весе, рассчитанный на десять раундов!

Толпа ответила аплодисментами и свистом.

— В красном углу ринга — непобеждённый профессиональный боксёр из Чечни! Бывший чемпион Европы среди любителей, один из самых опасных нокаутёров своего дивизиона! Восемнадцать боёв! Восемнадцать побед! И все восемнадцать — нокаутом! Борз Вахаев!

В зале поднялся рёв.

Борз появился под музыку. Он был огромным. Шёл медленно, широко расставив плечи, не глядя по сторонам.

— В синем углу — непобеждённый российский боксёр! Мастер спорта России, бывший чемпион страны среди любителей! Девять профессиональных боёв! Девять побед! Четыре нокаута! Тимур Атаманов!

Я вскочила вместе со всеми.

Тимур вышел под оглушительные крики наших ребят.

Он не улыбался.

Не смотрел в зал.

Поднялся на ринг, коротко коснулся перчатками канатов и направился в свой угол.

Я знала эту походку. Этот взгляд. Эту неподвижность лица.

Он уже был в бою.

Рефери подозвал соперников в центр, напомнил правила, проверил перчатки.

Они коснулись друг друга кулаками.

Разошлись.

Прозвучал гонг.

Первый раунд.

Борз сразу пошёл вперёд.

Без разведки. Без осторожности.

Первый удар прошёл мимо. Второй Тимур принял на блок. Третий — тяжёлый правый — скользнул по виску.

Я непроизвольно вцепилась в спинку кресла.

Борз давил массой, пытался загнать Тимура к канатам, навязывал ближний бой.

Тимур двигался легко. Работал передней рукой, уходил с линии атаки, встречал соперника короткими точными ударами.

Я выросла в боксёрском зале и видела разницу.

Борз хотел уничтожить.

Тимур — победить.

На второй минуте Вахаев резко сблизился и ударил головой.

— Судья! — заорала я.

Рефери остановил бой и сделал замечание.

Над бровью Тимура появилась кровь.

Совсем немного.

Но я уже не могла отвести от неё глаз.

— Нормально всё! — крикнул кто-то из наших. — Тимур его по очкам забирает!
Я смотрела, как муж возвращается в свой угол.
Руслан Викторович прижал салфетку к рассечению.
Тимур слушал его, не отрывая взгляда от Борза.
Второй раунд.
— Вахаев жестит!
— Судью на мыло! Снова всё с рук спускают!
— Атаманов превосходный! В размены не ввязывается, на провокации не ведётся!
Голоса сливались в один непрерывный гул.
Борз снова полез вперёд. Тимур встретил его джебом, сместился вправо, пробил в корпус.
Чисто.
Ещё раз.
Я уже начала дышать свободнее.
И тут Борз выбросил правую.
Тимур не успел уйти.
Удар пришёлся в челюсть.
Его ноги подкосились.
Он упал.
Я вскочила.
— Тимур!
Рефери начал отсчёт.
Один.
Два.
Три.
Я перестала слышать зал.
Четыре.
Пять.
Тимур опёрся на перчатку.
Шесть.
Семь.
Поднялся.
— Нокаутировал? Нокаут?.. Нет, не может быть! Атаманов поднялся!
Рефери посмотрел ему в глаза, проверил, готов ли он продолжать.
Бой возобновился.
До конца раунда оставалось меньше минуты.
Я не помню, как её пережила.
Помню только, что Тимур больше не пропустил ни одного чистого удара.
Третий раунд.
— Тимур ведёт бой на минималках просто! Респект!
— Вахаев дерзит конкретно! Жалко, брата на ринг нельзя позвать на помощь.
— Локти, голова, захват шеи — судья должен пресекать! Беспредел!
— Такое чувство, что Борз сейчас достанет нож!
Я слышала друзей словно издалека.
У Тимура заплыл глаз. Кровь из рассечённой брови снова стекала по щеке.
Но он продолжал двигаться.
Вахаев замедлился.
Его удары становились размашистыми. Он всё чаще промахивался и злился.
Тимур начал отвечать сериями.
Левая.

Правая в корпус.
Шаг в сторону.
Снова левая.
Я узнавала его.
Не мужа, который утром пьёт кофе на кухне и бросает спортивную сумку возле двери.
Боксёра.
Того самого мальчишку, который когда-то решил, что станет чемпионом.
— Как же они устали! — выдохнул кто-то рядом. — Неужели ещё один раунд? Ну и бой!
Я посмотрела на часы.
Оставалось десять секунд.
Гонг.
Тимур вернулся в угол.
Руслан Викторович наклонился к нему, что-то быстро говорил, показывал руками.
Я видела, как Тимур кивнул.
Один раз.
Четвёртый раунд.
Борз вышел уверенно, словно уже знал, чем всё закончится.
Тимур встретил его у центра ринга.
Первый обмен.
Второй.
Вахаев попытался прижать его к канатам.
Тимур ушёл влево.
И вдруг всё произошло так быстро, что я не сразу поняла.
Короткий удар навстречу.
Ещё один.
Правый точно в подбородок.
Борз покачнулся.
Тимур добавил левый боковой.
Вахаев рухнул на настил.
Зал взорвался.
Рефери начал отсчёт.
Борз попытался подняться, но не смог.
Восемь.
Девять.
Десять.
Рефери развёл руки.
Нокаут.
Я стояла, прижав ладони ко рту.
Смотрела на Тимура.
Он поднял руки.
Потом опустил.
Его качнуло.
Руслан Викторович уже бежал к нему через ринг.
Ведущий что-то кричал в микрофон.
— Победу нокаутом в четвёртом раунде одержал боксёр синего угла — Тимур Атаманов!
Наши ребята обезумели.
Меня подхватили, подняли на плечи. Я визжала, смеялась, плакала, обнимала всех подряд.
— Он сделал его!

— Девятнадцатый не прошёл!

— Тимур! Тимур! Тимур!

Я спрыгнула на пол и бросилась к рингу, расталкивая людей.

Он стоял у канатов.

Едва держался на ногах.

Лицо окровавлено. Один глаз опухший, почти закрытый. Губа разбита.

Но он услышал меня.

Повернул голову.

Увидел.

Я протянула руку.

Тимур наклонился и поцеловал её.

Через секунду охрана отвела меня в сторону.

А я всё повторяла:

— Победил. Господи, он победил.

Четыре часа спустя.

— Аккуратно. Вот так. Молодец. Не торопись, — шептала я, помогая Тимуру дойти до спальни.

Он рухнул на кровать прямо в одежде, которую мы с трудом надели на него после боя.

Медики обработали рассечение, наложили повязки. Врач настойчиво рекомендовал ехать в больницу: Тимур жаловался на головную боль и плохо держался на ногах.

Но мой муж отказался.

Я знала, что спорить бесполезно. И всё равно спорила.

— Завтра утром приедет врач, осмотрит тебя. Бедный мой… Живого места нет.

— Всё норм… ммм… нормально… — пробормотал он, морщась от боли.

— Зря ты отказался ехать в больницу. У тебя сотрясение.

— Первый раз, что ли.

— Тебя не переубедить.

— Отлежусь. Отосплюсь. Всё будет в порядке.

— Я удивляюсь, как Борз не сломал тебе ничего.

— Потому что я…

— Потому что ты лучший! — перебила я, едва касаясь губами его щеки. — Тебе надо поспать, Тимур.

— Не получится. Слишком большой выброс адреналина в крови.

— Может, снотворное?

— Кассандра, не переживай. Тебе самой надо отдохнуть.

Я села рядом и осторожно расстегнула ему рубашку.

На рёбрах проступали багровые полосы. Плечо наливалось синевой. На груди — следы ударов, которые ещё утром казались мне частью его профессии.

Теперь хотелось закрыть их руками.

Спрятать.

Не позволять больше никому к нему прикасаться.

Тимур тяжело дышал.

Я поправила подушку, укрыла его одеялом.

Он поймал мою ладонь и на секунду прижал к губам.

Потом закрыл глаза.

Я сидела рядом, пока его дыхание не стало ровнее.

Только тогда позволила себе лечь.

Сил не осталось даже на мысли.

Не знаю, сколько мы проспали.

Меня разбудил писк брелока автомобильной сигнализации.

Я открыла глаза.

Тимур лежал рядом.

За окном было темно.

Сигнал прекратился.

Я уже собиралась снова заснуть, когда с улицы донёсся вой сирены.

— Да что ж такое… — пробормотала я.

Тимур пошевелился.

— Я спущусь, посмотрю, — сиплым голосом сказал он, вставая с постели.

— Не надо. Прошу. Ты еле ходишь. Хрен с ним, с джипом. Что с ним будет? Ночь на дворе.

— Всё равно не сплю. Тело ломит, голова трещит. Схожу, отключу вручную. И глоток свежего воздуха не повредит.

— Я с тобой.

— Нет, ты спи. Я сам. Туда и обратно. Очень осторожно. Не волнуйся.

Снова запищал пульт от машины.

— Там явно либо кто-то выехать не может, по колёсам дубасит, либо заклинило систему на морозе.

— Даже здесь ты не сдаёшься.

— Сдаваться — это для слабаков, — отшутился он.

Я слышала, как он ищет одежду.

Как звякнули ключи.

— Только без резких движений… Я люблю тебя… — пробормотала я, проваливаясь обратно в сон.

— И я тебя.

Дверь закрылась.

Когда я открыла глаза, за окном светало.

Его в постели не было.

— Тимур?

Тишина.

Я посмотрела на часы.

Слишком долго.

Он ушёл слишком давно.

Я встала, прошла на кухню.

Пусто.

В ванной никого.

Его телефон лежал на столе.

Я подошла к окну.

За ночь выпал свежий снег. Машины во дворе стояли под белыми шапками. Деревья, лавочки, дорожки — всё было запорошено.

Наш джип стоял на прежнем месте.

Я всмотрелась.

Рядом с машиной что-то лежало.

Сначала мне показалось — мешок.

Потом я различила ботинки.

Куртку.

Человека.

Я выбежала из квартиры.

Не помню, как спустилась по лестнице. Как открыла подъездную дверь. Как оказалась на улице.

— Тимур?..

Он лежал возле джипа.

Лицом вверх.

Я побежала.

— Тимур!

Снег вокруг его головы был тёмным.

Я упала рядом на колени.

Его лицо было неподвижным.

— Тимур?

Я схватила его за плечи.

— Тимур, вставай.

Ничего.

Я приложила пальцы к его шее.

Не почувствовала пульса.

Приблизилась к губам.

Он не дышал.

— Нет.

Я откинула голову, пытаясь открыть дыхательные пути, и увидела страшную рану на затылке.

Руки задрожали.

— Нет. Нет, нет, нет…

Я начала делать искусственное дыхание. Надавливала на грудь. Снова пыталась вдохнуть в него воздух.

Я знала, что нужно делать.

Я не могла вспомнить, что делать.

Всё смешалось.

Снег.

Кровь.

Его лицо.

Мои руки.

— Тимур! Пожалуйста! Тимур! Пожалуйста, очнись! Я люблю тебя! Тимур, пожалуйста! Тимур! Любовь моя! Пожалуйста!

Я кричала, трясла его за плечи, прижималась к лицу.

Мне казалось, если позову достаточно громко, он услышит.

Он всегда слышал.

Даже сквозь шум зала. Даже сквозь сотни голосов.

Почему сейчас не слышит?

Я снова попыталась его оживить.

Кто-то закричал из окна.

Кто-то выбежал из подъезда.

Чужие руки коснулись моего плеча.

— Девушка, отойдите…

— Не трогайте его!

— Скорую уже вызвали!

— Тимур! Тимур, пожалуйста!

Я прижимала его голову к себе, не чувствуя, как кровь пропитывает рукава.

Потом появились врачи.
Милиция.
Люди.
Меня оттаскивали от тела мужа.
Я сопротивлялась, падала на снег, вырывалась.
Повторяла одно:
— Убили. Суки. Убили.
Менты. Врачи. Соседи.
Чьи-то руки.
Чьи-то вопросы.
Чьи-то слова.
Я ничего не слышала.

Я сидела на холодной лавке возле подъезда, укутанная в плед, который кто-то набросил мне на плечи.
Смотрела на наш джип.
На капоте лежал тонкий слой снега.
Чистый.
Белый.
Как будто ничего не произошло.
Под машиной темнело пятно.
Почти чёрное.
— Вам нужно пройти с нами.
Я подняла глаза на мужчину в форме.
Пройти?
Куда?
Зачем?
Я пыталась понять, о чём он говорит.
Тимур лежал в машине скорой помощи.
Его лицо уже накрыли.
Я подошла.
— Откройте.
— Девушка, не надо…
— Откройте!
Мне открыли лицо мужа.
Я взяла его за руку.
Ледяную.
До боли любимую.
Пальцы, которыми он ещё вчера сжимал мои пальцы. Кулак, который несколько часов назад поднялся над рингом.
Я гладила его ладонь большим пальцем.
Ждала.
Не знаю чего.
Может быть, что он сожмёт мою руку в ответ.
Ещё ночью я была женой чемпиона.
А с восходом солнца стала вдовой.

Следующие три дня прошли как в тумане.
Квартира наполнилась людьми.

Родственники. Друзья. Спортсмены. Тренер.

Те, кто действительно любил.

И те, кто пришёл «отметиться».

На кухне бесконечно кипел чайник. Кто-то резал хлеб, расставлял чашки. В коридоре шептались. Звонил телефон.

Все что-то делали.

Я сидела в спальне.

На краю кровати.

Смотрела на спортивную сумку Тимура.

Она всё ещё лежала там, где он её бросил.

На молнии остался след крови.

Маленький.

Почти незаметный.

Я провела по нему пальцем.

И снова разрыдалась.

Мне рассказывали разные версии случившегося.

Кто-то говорил об ограблении.

Кто-то — о мести.

Кто-то предполагал, что он упал и ударился головой.

Я слушала и молчала.

У Тимура была страшная травма затылка. Что именно произошло во дворе, ещё предстояло установить.

Но я не верила в случайность.

Не после того боя.

Не после всех разговоров о людях, которые стояли за Борзом.

Тимур мог проиграть на ринге.

Мог упасть.

Мог не подняться после удара.

Но он победил.

И спустя несколько часов его нашли мёртвым возле собственного дома.

Я знала одно: кто-то должен был ответить мне, почему.

Похороны были огромными.

Я не помню, сколько людей пришло. Но казалось, что весь город говорил о нём как о герое.

Венки.

Ленты.

Фотографии.

Люди из бокса.

На одной из фотографий Тимур стоял на ринге с поднятой рукой.

Победитель.

Его спортивные награды лежали рядом с гробом.

Я стояла в чёрном пальто и не чувствовала холода.

Люди подходили.

— Держись.

— Он бы хотел, чтобы ты была сильной.

— Время лечит.

Я кивала.

Не спорила.

Не отвечала.

Время ничего не лечит. Оно просто делает боль менее острой.

Когда гроб опускали в землю, я не плакала.

Смотрела вниз и думала:

Я не смогла.

Не смогла защитить.

Не смогла остановить.

Я ведь всё предчувствовала.

Знала, что в его окружении были те, кому нельзя доверять.

И всё равно отпустила.

Сначала на ринг.

Потом во двор.

Одного.

В тот день закопали не только его.

Вместе с ним похоронили всё то, что я называла своим счастьем.

Глава 6

Hello Darkness

Прошло сорок дней и ночей.

Попыток покончить с собой не было, но и желания жить — тоже.

Слёзы текли постоянно. Без истерик, без крика. Просто текли. Кожа на щеках покрылась сухими пятнами.

Я почти не выходила из дома.

В квартире всё оставалось как было: его кроссовки у двери, его кружка на кухне, его полотенце в ванной.

Я спала, обнимая его толстовку. Носила его футболки. Его носки. Душилась его духами. Чистила зубы его щёткой. Говорила с ним вслух.

Пересматривала наши фотографии — их было так мало, в основном со свадьбы.

Самое страшное — я не помнила ни одного дня, в который не винила бы себя.

Если бы ещё в самом начале я отговорила его от боя.

Если бы не уснула той ночью.

Если бы пошла с ним вниз.

Может, он был бы жив.

Может, нас убили бы обоих.

Предчувствие беды не покидало меня с того дня, как я узнала о предстоящем поединке. Что-то внутри скреблось, как зверь в клетке. Но я заглушала это. Ради его мечты. Ради его победы.

Я приложила все усилия, чтобы помочь ему дойти до конца.

Как простить себя за это?

Ночами мучили кошмары. Я засыпала лишь от изнеможения, просыпалась — и каждый раз тянулась рукой к пустому месту рядом, надеясь, что весь этот ужас мне приснился.

Но нет.

С каждым новым днём правда становилась всё невыносимее.

Любой контакт с людьми сопровождался неконтролируемыми вспышками гнева. На девятый день, во время поминок, произошёл скандал с родителями. После него было решено дать мне время на скорбь и страдания в одиночестве.

Сегодня — сороковой день.

Я встала перед зеркалом и не узнала себя.

Исхудавшее тело. Серое лицо. Воспалённая кожа. Тёмные круги под опухшими глазами. Грязные волосы, сбившиеся в колтуны.

Я вспомнила, как Тимур торопил меня, когда мы собирались куда-то:

— Хватит у зеркала вертеться. Ты и так самая красивая.

— Лучше опоздать, чем прийти вовремя и плохо выглядеть.

— Ты не можешь плохо выглядеть, Кассандра.

— Если ты не видел — не значит, что не могу. Я всё могу.

Я смотрела на своё отражение.

«Я всё могу».

Когда-то я произносила это легко.

Теперь даже принять душ казалось подвигом.

И всё же я решила привести себя в порядок. Представить, что иду не на поминки мужа, а на последнее свидание с ним.

Через час я снова стала похожа на себя.

Сильная.

Собранная.

Холодная.

В ресторане было шумно.

Слишком шумно.

Родители, увидев меня на входе, молча встали из-за стола. Несколько секунд смотрели, словно пытались понять, в каком я состоянии.

Потом мы крепко обнялись.

Никто не просил прощения вслух. Но все трое помнили грубости, которые успели наговорить друг другу три недели назад.

В их глазах было столько печали, тоски, жалости, что мне захотелось отвернуться.

Во время одной из ссор слова свекрови больно ранили:

— Это всё потому, что ты появилась в его жизни. Ради тебя он хотел победить. Вот и погиб теперь.

Я не смогла ей ответить.

Потому что сама думала об этом каждую ночь.

Но у меня была своя правда.

Никто и никогда не любил меня так, как Тимур.

И я — никого, как его.

Любовь сильнее смерти. Поэтому сдаваться я не хотела.

В полиции мои показания были искажены. Следователи игнорировали очевидные, на мой взгляд, обстоятельства гибели Тимура, а разговоры о возможном убийстве быстро обрывали.

Я звонила всем знакомым. Даже бандитам.

Просила узнать хоть что-нибудь.

Они обещали «разобраться», «поговорить с людьми», «поднять связи».

Но проходили дни, и ничего не происходило.

Сегодня я всё ещё надеялась получить хоть какую-то информацию о ходе дела.

Люди кучковались по углам.

Кто-то ел. Кто-то пил. Кто-то смеялся. Кто-то обсуждал свои дела.

Кто-то пришёл, хлопнул стопку водки и ушёл.

Ко мне почти никто не подходил.

Я ловила их взгляды.

В них не было страха.

Не было ярости.

Было что-то другое.

Закрытость.

Я узнавала лица людей, которые ещё недавно называли Тимура братом. Тех, кто сидел с нами за одним столом, поднимал тосты за дружбу и клялся, что своих не бросают.

Теперь они избегали встречаться со мной глазами.

Те самые спартанцы.

Те самые «братья».

Кивнули.

Помянули.

Исчезли.

Внутри что-то щёлкнуло.

Я вышла на улицу.

Достала сигарету.

Спичка не загоралась. Я чиркнула ещё раз, но пламя погасло от ветра.

Передо мной щёлкнула зажигалка.

Вадим.

— Не знал, что ты куришь.

— Вадим… — Я обняла его, уткнувшись лицом в плечо, тихо всхлипнув.

— Не плачь, Кассандра, — шептал он, поглаживая меня по спине.

— Что происходит? Что со всеми случилось?

— Ты о чём?

— Я про ребят… Пиздец какой-то! — выдохнула я, вылупив глаза, чувствуя, как злость распирает грудь.

— Ладно… Собирайся. Поехали. Я отвезу тебя домой, поговорим по дороге.

В машине Вадим говорил спокойно.

Слишком спокойно для того, что я услышала.

Всем друзьям поступили угрозы. Любая попытка вмешаться в расследование грозила расправой.

Руслана Викторовича сильно избили. После этого он забрал семью и уехал в Армению.

По словам Вадима, сам Вахаев распорядился не трогать родителей Тимура и его жену — меня.

Дело закрыто.

Несчастный случай.

Вот и всё.

Человек погиб.

Другие люди испугались.

Бумаги подписали.

Жизнь продолжилась.

Я смотрела в окно.

За стеклом проплывали знакомые улицы, магазины, остановки. Люди переходили дорогу, разговаривали по телефону, спешили домой.

Никто из них не знал, что мир может закончиться за одну ночь.

Я слушала Вадима, и внутри уже не было ни удивления, ни ужаса.

Только беспомощность и безысходность.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросила я.

— Не только нельзя. Не нужно. Может, тебе уехать куда-то на время?

— Куда я уеду? Мне даже некуда с квартиры съехать в конце месяца.

— Переезжай ко мне.

— Ты с ума сошёл? Как ты это себе представляешь?

— Я серьёзно, — он взял мою руку в ладонь. — Тебе нужен рядом надёжный человек. Кто не поставит твою жизнь под угрозу.

— В каком смысле?

Он смотрел на меня долго.

Как будто взвешивал, говорить дальше или нет.

Машина остановилась возле моего подъезда, но Вадим не выключал двигатель.

— Ты правда думаешь, что Тимур не понимал, во что ввязывается?

Он отвёл взгляд.

Я почувствовала, как холод медленно поднимается от живота к горлу.

— Я не идиотка. Риск был. Но кто мог подумать, что его убьют за чемпионский титул?

— Да ты… — Вадим резко выпрямился, схватившись за голову. — Да все знали, что ему нельзя побеждать. Все. Тимур знал. Тренер знал. Пацаны знали. Был уговор.

— Какой ещё уговор?

— Он должен был проиграть.

Я смотрела на него.

Ждала, что он сейчас засмеётся. Скажет, что я неправильно поняла. Что речь о чём-то другом.

Но Вадим молчал.

Я вспомнила Тимура перед боем.

Как он сидел на скамейке, уткнувшись лбом мне в живот.

Как крепко держал меня за руку.

Как сказал, что зря я боялась.

Вспомнила его лицо после победы.

Его разбитую губу.

Его поцелуй через канаты.

Сердце ударило так сильно, что на секунду я перестала слышать шум двигателя.

— Тимур бы никогда не вышел на ринг, если бы знал, что его убьют.

— Ты уверена?

И в этот момент произошло самое страшное.

Не его слова.

А то, что внутри меня не возникло стопроцентной уверенности.

Я знала Тимура.

Знала его гордость.

Его упрямство.

Его ненависть к поражениям.

Он мог согласиться на что угодно, чтобы получить этот бой.

Но выйти на ринг и намеренно проиграть?

Нет.

Только не Тимур.

И всё же…

— Все знали, — тихо сказал он. — Кроме тебя. Как выяснилось.

— Я не верю.

— Клянусь тебе, Кассандра! Я говорю правду.

— Зачем мне эта правда сейчас? Думаешь, мне легче станет? Почему ты раньше молчал?

— Я думал, ты в курсе.

— Мы с тобой дружим с детства. Ты меня с Тимуром свёл. Ты был свидетелем на нашей свадьбе. Как так?

— Да не планировал я никого сводить! Тем более тебя с ним! — Он перевёл прерывистое дыхание. — Кассандра… Я люблю тебя. Много лет. Просто скрывал. Не могу больше.

Я не сразу поняла смысл сказанного.

Смотрела на него, пытаясь связать эти слова с человеком, которого знала с детства.

С Вадимом.

Нашим Вадимом.

Тем, кто стоял рядом с Тимуром на свадьбе.

Кто называл его братом.

Кто только что рассказал мне, что все знали об уговоре, кроме меня.

Он вдруг взял моё лицо в ладони и попытался поцеловать.

— Отпусти! Не трогай меня! — Я резко оттолкнула его. — Предатель! Сволочь! Как ты смеешь? Осмелел, когда Тимура не стало! Убирайся! Проваливай!

Я выскочила из машины и побежала к подъезду.

Вадим что-то крикнул вслед.

Я не обернулась.

Я влетела в подъезд, с грохотом захлопнула дверь и бросилась вверх по лестнице.

В квартире заорала в пустоту.

Так, что сорвала голос.

Сорок дней я боялась тронуть хоть что-нибудь.

Сорок дней берегла каждый предмет, к которому прикасался Тимур.

А теперь схватила вазу и швырнула в стену.

Она разлетелась на мелкие осколки.

Я опрокинула стул.

Смахнула со стола книги, чашки, фотографии.

Разбила зеркало в прихожей.

Пнула дверцу шкафа.

Ещё.

И ещё.

Мне хотелось уничтожить всё.

Квартиру.

Эту жизнь.

Людей, которые врали.

Людей, которые знали.

Людей, которые молчали.

Я кричала, пока не перестала узнавать собственный голос.

Потом вошла в спальню.

На кровати лежала толстовка Тимура.

Та самая, с которой я спала все эти ночи.

Я остановилась.

Подняла её.

Прижала к лицу.

И сползла по стене на пол.

Среди осколков, разбросанных вещей и перевёрнутой мебели я плакала, пока не закончились силы.

Потом уснула.

С его толстовкой в руках.

Через два дня я съехала к родителям.

Собрала документы, несколько платьев, фотографии и самые важные вещи.

Остальное оставила.

Я долго стояла посреди спальни, разглядывая комнату, в которой мы когда-то строили планы на будущее.

Здесь мы любили друг друга.

Ссорились.

Мирились.

Мечтали.

Теперь от этой жизни остались лишь вещи, которые некуда было деть.

В последний раз закрыла дверь нашей квартиры.

Ключи оставила на кухонном столе.

Любовь рождается в сердце и живёт в нём до тех пор, пока оно бьётся.

Но в тот день моё сердце словно окаменело.

Жизнь испытывает сильных, сбивая их с ног. Они падают на колени, но находят силы подняться. В этом и есть смысл. А слабых она не трогает — они душой не доросли.

Предательство — это не конец.

Это холодный удар, который пробуждает.

Это правда, понятая слишком поздно.

И именно с неё началась новая версия меня.

Глава 7
Жизнь в розовом цвете

В университете новость о моём вдовстве разлетелась мгновенно.

Сначала — жалостливые взгляды, осторожные вопросы, показная эмпатия.

Потом — шёпот. Домыслы. Версии.

Мне было всё равно.

Я раздавала вежливые улыбки тем, кто пытался поднять мне настроение, и равнодушно смотрела сквозь тех, кто ждал реакции. Ни злости. Ни обиды. Ни желания что-либо объяснять.

Я просто перестала чувствовать.

Хотела одного — закончить университет и исчезнуть. Если без фильтров — съебаться из этого города навсегда.

Студенты редко осознают, что работодателям зачастую плевать на университетские заслуги. Им нужен диплом, а не история твоих усилий. Отличник ты или вечный троечник — мало кого волнует.

Истерия с оценками — прекрасный инструмент педагогической манипуляции. Тренировочный лагерь для будущей взрослой жизни: добивайся результата, невзирая на сложности, усталость и собственную лень.

Я училась как одержимая. Мозг гудел от перегруза. Идея красного диплома перестала быть иллюзией — она превратилась в цель, за которую я вцепилась мёртвой хваткой.

Чем глубже уходила в учёбу, тем сильнее разгорался азарт. Юношеский максимализм тоже делал своё дело: мир делился на «либо ты — либо тебя». Без оттенков. Без компромиссов.

Возможно, мне просто необходимо было доказать себе, что я ещё способна что-то довести до конца.

О новых отношениях я даже не думала. Доверия к людям — ноль.

Кроме родителей.

Если во мне ещё оставалось что-то человеческое, то только благодаря их любви и поддержке.

Казино я поставила на паузу. До поры.

Ставка была на госы.

Июль.

— А сейчас пришло время вручения дипломов с отличием. Передаём слово заведующей кафедрой мировой экономики Сухановской Инге Ивановне, — торжественно прозвучало объявление в актовом зале.

— Большое спасибо, уважаемые коллеги. Для меня честь назвать эти имена. На сцену приглашаются Долгова Елизавета, Астахова Вера, Юсупов Александр, Шевчук Дмитрий, Балабанова Анастасия, Веселова Виктория, Кузнецова Дарья и…

Она произнесла моё имя с той самой паузой, в которой всегда прятала яд:

— Атаманова Кассандра. Аплодисменты!

Зал загудел.

Я наблюдала с последнего ряда, как выпускники в белых рубашечках, краснея от волнения, торопливо вставали со своих мест и шли к сцене.

Я не спешила.

Я ждала, пока в руках Сухановской не останется один-единственный диплом.

Мой.

— Кого у нас не хватает? Ах! Ну, конечно, Атаманова! Студентке, наверное, документ о высшем образовании не нужен, и она решила не приходить…

Инга Ивановна острила со сцены, как по учебнику мелочных подлостей.

— Я здесь, — сказала я громко.

Все обернулись.

Я шла к сцене медленно.

Красное шёлковое платье с разрезом до бедра. Открытая спина. Высокие каблуки. Поднятая голова.

Не вызов.

Контроль.

Внутри — дрожь.

Снаружи — безупречность.

Когда я взяла диплом, наши взгляды встретились.

В её глазах — презрение.

В моих — пустота.

Я держала в руках то, ради чего месяцами лишала себя сна, отдыха и права развалиться на части.

Красный диплом.

Победа.

И странное ощущение, будто радоваться ей было некому. Не потому, что рядом не было людей. А потому, что человека, с которым мне хотелось разделить эту минуту, больше не существовало.

После церемонии я вручила ректору букет белых роз.

Он сказал:

— Вы далеко пойдёте.

Я поверила ему.

На этом университетская глава моей жизни была завершена.

Вечером позвонил руководитель смены из казино.

— Алло. Кассандра. Привет. Как дела?

— Привет. Дела прекрасно. Как у вас?

— Нормально всё, только тебя не хватает. У меня ж всё записано. Сегодня ты закончила свою шарагу. Верно?

— Да, сегодня. Только не шарагу, а престижный вуз. Поздравил бы лучше.

— Шучу. Поздравляю, конечно.

— Спасибо.

— Ну так как? На тебя можно рассчитывать?

— Не знаю, честно говоря. Я планировала начать искать серьёзную работу.

— Что может быть серьёзнее, чем быть крупье?

— Ты понял, что я имею в виду.

— Ищи работу, если хочешь, кто тебе мешает. А пока ищешь, приходи. Подзаработаешь и нас выручишь. Народу летом столько, что мы не вывозим. Так что давай, не выделывайся. На твоё место уже очередь выстроилась, а мы других не хотим, тебя ждём.

— Деньги мне и правда нужны. Но имей в виду. Я скоро уеду. Больше месяца не задержусь.

— Какая деловая ты вдруг стала. Посмотрим, что будет через месяц, но сегодня на ночную смену я тебя записываю.

— Окей! Буду.

— Отлично! В девять чтоб была, как штык. Рубашка отглажена. Тугой хвост. Красные губы…

— Я всё прекрасно знаю, — перебила я его.

— Просто напоминаю. Тебя больше четырёх месяца не было. Мало ли. Кстати, а ты как выглядишь? Не располнела случайно? Ты хоть изредка тело качала?

— Я мозг качала! Не переживай за это.

— Смотри. Чтоб была сегодня неотразима. У нас много ВИПов ожидается.

— Пришёл ВИПом — ушёл бомжом.

— Именно!

Мысль о том, что я снова увижу старых знакомых, неожиданно воодушевила.

В LUCKY NIGHT не было места личным драмам. Мы смеялись, подкалывали друг друга, обсуждали клиентов, чаевые и смены. Никто никого не лечил. Никто никого не спасал.

И это было идеально.

Конечно, они тоже слышали о моей трагедии. Но никто бы не посмел её обсуждать.

По дороге я купила три коробки дорогих шоколадных конфет — жест доброй воли и последний удар по моему кошельку.

Встретили меня тепло. Каждый, увидев, улыбался, спрашивал, как дела, приобнимал.

Я ходила по служебным комнатам и удивлялась: как так выходит, что в казино — месте аморальном по определению — работают такие приятные люди, а «культурные» учреждения напичканы мразями?

В боевом настроении я вышла в зал к рулетке.

Пятничная ночь кипела.

Люди. Деньги. Азарт. Алкоголь.

Фишки летели как дождь. Чаевые щедро падали на стол. Всё было как всегда — шумно, ярко, бессердечно.

Я почти снова почувствовала себя живой.

Пока не подошёл директор.

— Кассандра, заканчивай на рулетке. Одни важные гости за вторым покерным столом просят, чтобы ты была их крупье.

— С чего вдруг? Почему я? А где Андрей? Он же по покеру?

— Хотят именно тебя. Андрей тебя здесь подменит.

— Не понимаю. Что за гости?

— Некогда объяснять. Шустрее давай.

Мне это сразу не понравилось.

Когда я вошла в покерную зону, кровь в жилах застыла.

За столом сидел Борз Вахаев.

Со своей свитой.

Он посмотрел на меня наглым, хищным взглядом и скривил улыбку.

На секунду исчезло всё: музыка, голоса, звон фишек.

Я снова вспомнила то утро. Тимур. Снег. Джип. Его неподвижное тело.

А теперь человек, которого я считала виновным в его смерти, сидел в нескольких шагах от меня и улыбался.

Меня накрыла волна паники. Сердце бешено забилось, дыхание перехватило.

Я отступила, развернулась и быстрым шагом направилась к выходу.

Директор догнал меня у дверей.

— Ты куда собралась?

— Я… Я… Игорь, я не могу! Я… Я… ухожу.

— Ты меня жёстко сейчас подставляешь! — грозно прошипел он мне на ухо, чтобы не привлекать внимания других. — Ты сейчас же пойдёшь туда, куда я тебе сказал.

— Нет! Не пойду! — твёрдо ответила я.

— Это приказ! — Он сжал мне плечо.

— Ты знаешь, кто это?

— Я-то как раз знаю. Это ты, кажется, не понимаешь.

— Я не понимаю? — Мой голос прозвучал громче, чем следовало. — Это шакал грохнул моего мужа!

Я с силой выдернула руку и выбежала на улицу.

— Уйдёшь — можешь забыть дорогу сюда!

— Если останусь — дорога будет одна. В могилу.

Слёзы хлынули сами.

Я побежала.

В этот момент меня нагнала чёрная машина, посигналив в спину. Я испуганно обернулась.

Из окна выглянул Ильяс — тот самый художественный руководитель клуба PINK LADY.

— Кассандра! Я всё видел. Садись в тачку.

Я не раздумывая запрыгнула в машину, и он на скорости рванул по ночному шоссе.

— Ну вот мы и снова встретились. Как жизнь?

— Охуенно! — сухо ответила я, вытирая слёзы.

— Ты в полном дерьме, — спокойно сказал он.

— Спасибо за констатацию.

— Он пришёл за тобой.

— Почему?

— Потому что ты — это напоминание его поражения.

Я молчала.

Ильяс не давил.

Он наблюдал.

Откуда ему было известно, зачем Борз пришёл в казино? И почему он оказался рядом именно тогда, когда я выбежала на улицу?

Вопросы возникали один за другим. Но сейчас у меня не было сил искать ответы.

— И что мне теперь делать?

— Не изводись. Всё решаемо. Поехали ко мне в клуб. Разберёмся.

— Почему ты мне помогаешь?

— Сам не знаю. Понравилась просто.

— Давай без этого.

— Расслабься. Я тебя не трону… Пока сама этого не захочешь.

— Ильяс. Не советую играть со мной. У меня нервы на пределе. Я…

— Я тебя понял. Не паникуй.

Я не доверяла ему.

Но возвращаться одной домой, зная, что Борз меня нашёл, хотелось ещё меньше.

Я устала сопротивляться.

Будь как будет.

PINK LADY был пристроен к элитной новостройке в центре города.

Перед входом толпилась очередь. Жёсткий фейс-контроль. Четверо охранников.

Ильяс взял меня за руку и провёл сквозь толпу, успев по пути показать пальцем, кого можно пропускать.

В предбаннике гостей ощупывали на наличие колющих и режущих предметов, оружия и принесённого с собой алкоголя.

Дальше длинный зеркальный коридор с неоновой подсветкой вёл в основной зал.

Стены — чёрный бархат со стразами.

Потолок — глянцевый, ярко-розовый.

Запах духов, алкоголя, дыма.

Музыка, заглушающая голоса.

Кожа покрылась мурашками.

Это был другой мир.

Без траура.

Без вдовства.

Без морали.

Только энергия.

За барными стойками мускулистые ребята в чёрных масках Зорро жонглировали бутылками. Рядом крутились стриптизёрши на шестах, почти касаясь каблуками лиц посетителей.

В центре зала возвышалась большая круглая сцена с пятью шестами. Вокруг — кожаные софы. Кто не мог позволить себе место «в партере», наслаждался зрелищем стоя.

Под потолком висели две овальные клетки высотой с человеческий рост. Внутри танцевали обнажённые девушки, заставляя публику бесконечно задирать головы. Время от времени «пленницы» протягивали вниз руки и ноги за чаевыми.

В мягкой зоне прогуливались топлес-дивы в блестящих стрингах, фетишных аксессуарах и на высоченных каблуках. Они высматривали клиентов для приватных танцев в закрытых комнатах.

Отдельной достопримечательностью был туалет: просторные кабинки, тотально чёрный интерьер, включая унитазы. Такой дизайн выбрали не только ради стиля. На чёрном лучше видно кокаин.

Я смотрела по сторонам и не могла понять, куда попала: в храм разврата, цирк для взрослых или новую реальность.

Возможно, всё сразу.

Мы с Ильясом сели за столик напротив сцены.

Подошёл мужчина, окинул меня взглядом, кивнул и ушёл.

— Это начальник охраны, Ираклий. Не волнуйся. Тебя здесь никто не обидит.

— Я не волнуюсь.

— Ты выглядишь слишком напряжённой. — Ильяс насыпал лёд в два рокса и налил мартини.

— Спасибо, я не хочу.

— Сделай пару глотков. Расслабься. Сейчас будет шоу.

Я сдалась.

Музыка сменилась на Deep Trance. Сцену заволокло дымом. Свет приглушили, и голубые и розовые прожекторы прорезали полумрак.

Когда девушки вышли на сцену, я не могла отвести глаз.

Идеальные тела. Волосы. Лица.

Но дело было даже не в красоте.

Сила. Пластика. Власть над вниманием.

Богини грации и танца в прозрачных стрипах и латексных костюмах.

Они не просто двигались под музыку.

Они управляли залом.

Сотни глаз следили за каждым изгибом, каждым поворотом, каждым движением их тел. Мужчины замирали с бокалами в руках. Кто-то тянулся ближе к сцене, кто-то забывал разговаривать.

А танцовщицы даже не смотрели на большинство из них.

Им не нужно было выпрашивать внимание.

Оно принадлежало им.

Красиво.

Эротично.

Феерично.

Я ловила себя на том, что слежу не за обнажёнными телами, а за техникой. Как они держатся на шесте. Как переносят вес. Как без видимого усилия превращают физическую силу в лёгкость.

В этом было что-то гипнотическое.

— Ну как тебе? — спросил Ильяс.

— Нет слов. Pole Dance высшего уровня.

— Это я их всему научил.

— Серьёзно?

— Нет. — Он улыбнулся. — Правда, девочки совсем зазвездились. Их в Москву пригласили. Через месяц их здесь уже не будет.

— И что ты будешь делать?

— Новый коллектив тренировать. Ты бы вписалась.

— Да ты что?! Я не умею. Мне до их уровня как до луны.

— А ты бы хотела?

— Я не думала об этом. Но клуб крутой.

— Спасибо. Мы стараемся. Сегодня ты моя гостья. Отдыхай. За Вахаева не переживай, он сюда не сунется. Стриптиз для него – харам. В случае чего, по камерам его увидят и предупредят.

— Спасибо. Хоть я так и не понимаю, почему ты за меня печёшься. Мы даже толком не знакомы.

— Просто мысль озвучу, оки? Может, не надо искать смысл сразу всей жизни. Достаточно найти смысл на сегодня.

— И в чём он?

— Потом скажу.

— Блять! Гениально! — Я рассмеялась в голос.

Впервые за долгое время — без усилия.

— Пошли дунем?

— Нет! — Я тотчас отодвинулась от него. — Я не употребляю.

— Ну, как хочешь.

— И, наверно, лучше поеду домой.

— Оставайся, я тебя с моими «пинк лейдис» познакомлю.

— В следующий раз.

— В таком случае жду тебя завтра здесь в 15:00.

— Зачем?

— Как зачем? На кастинг.

— Да я не умею танцевать с шестом. Я… как бы так сказать… Короче, работать стриптизёршей не входило в мои планы. Я только что получила красный диплом.

— И что?

Он был прав.

И это раздражало.

— Я не обещаю. Но подумаю. Приятно оставаться.

— Сейчас, погоди. Мой водитель тебя отвезёт.

Ночью я не спала.

В голове был хаос.

Я дипломированный экономист. Не для того училась, чтобы крутить попой перед публикой.

Но мне нужно было уезжать.

А денег не было. В казино теперь дорога закрыта.

Стрип-клуб. Ильяс — тёмная лошадка.

Всё выглядело неправильно.

Но тянуло, как магнитом.

Говорят: если себя уговариваешь — значит, нужно отказаться. Если отговариваешь — точно твоё.

У меня было второе.

Утром я надела короткие шорты, туфли, взяла ключи от джипа Тимура и нажала на газ.

Кроме машины я сохранила его обручальное кольцо — носила на шее, как оберег. Часы, уменьшив браслет до моего запястья. Любимую толстовку с капюшоном — надевала, когда было холодно и одиноко. И боксёрские перчатки с чемпионата.

Те, кто ушёл, уже по другую сторону. Но если их души действительно чего-то хотят для нас — это не слёзы и не бесконечная скорбь.

Они хотят, чтобы мы продолжали жить.

Чёрная полоса казалась бесконечной. Ждать белую я больше не собиралась. Если жизнь не меняет цвет – меняй палитру сама.

I'm ready. PINK LADY.

Глава 8

Не надо стесняться

Я ожидала увидеть в клубе Ильяса и танцовщиц — строгую комиссию, готовую вынести приговор моему телу и амбициям.

Но в PINK LADY было пусто.

Полумрак.

Тишина.

И сонный мужик на входе, который лениво открыл дверь, даже не спросив, кто я.

Может, это была шутка? А я, наивная, поверила?

Через десять минут одиночества я поднялась на сцену.

При дневном освещении клуб выглядел совершенно иначе. Без музыки, дыма и обнажённых тел вся вчерашняя магия куда-то испарилась. Остались пустые диваны, потухшие прожекторы и шест, уходящий в потолок.

Он оказался выше и толще, чем я думала.

Я ухватилась за него обеими руками, попыталась прокрутиться и с досадой поняла: силы нет. Пластики — тоже. Вчерашние богини явно занимались чем-то посложнее, чем красивое раздевание под музыку.

— Я рад, что ты пришла, — прозвучал голос Ильяса, появившегося в зале словно из ниоткуда.

— Привет. Я уже решила, что ты прикололся насчёт кастинга.

— Я не мальчик, чтобы так прикалываться.

— Я, кажется, переоценила себя. И вообще зря пришла.

— Нет. Не зря.

Он протянул руку.

— Пошли.

— Куда? Я думала, мне надо танцевать.

— Ты же не хочешь быть стриптизёршей.

— Разве не об этом речь?

— Я тебя умоляю. Какая из тебя стриптизёрша? Порода не та.

— А как же новый коллектив?

— Pole Dance — это не про танец, это про диагноз. Я ищу не просто профессионалов, я ищу тех, кто этим дышит. Я бы сказал, кто этим болеет. Тогда и учить не надо. Достаточно организовать для них сцену с шестом и зрителей. Но тот факт, что ты была готова попробовать, говорит о многом.

— От меня тогда что надо?

— Увидишь.

Мы прошли через длинный служебный коридор и оказались в подъезде дома, к которому был пристроен клуб.

— Квартира?

— Да. Я здесь живу.

— Я не хочу идти к тебе домой.

— Не бойся. Заходи.

Он не тянул. Просто ждал.

Я сама переступила порог.

Двухуровневая студия в чёрно-белых тонах. Пол — как шахматная доска. Пятиметровый потолок, из центра которого спускался шест.

Кухня, длинная барная стойка, огромный чёрный диван.

Наверху — балкон с матрасом вместо кровати и россыпью подушек. К нему вела винтовая лестница.

Каждая деталь была продумана.

И всё было с характером.

— Вау! — слетело с моих губ.

— Ничего лишнего, — спокойно ответил он. — Проходи. Располагайся. Тебе что налить?

— Воды, пожалуйста.

— Мог бы и не спрашивать.

— Прости, а где у тебя здесь туалет?

— Там, слева по коридору.

Я ошиблась дверью.

Кабинет.

Стены от пола до потолка были увешаны эротическими фотографиями обнажённых девушек.

Красиво. Дерзко. Смело.

Женские тела в самых неожиданных позах, интерьерах и ракурсах. Свет скользил по коже, подчёркивал изгибы, выхватывал лица из темноты. Некоторые фотографии были откровенно провокационными, другие напоминали музейные полотна.

Профессиональные кадры.

Всё было понятно без слов: Ильяс жил сексом.

— Нравится? — Он стоял у меня за спиной.

— Интригующе, я бы сказала. Это какое-то порно-искусство.

— Именно.

— Чьи фотографии?

— Мои.

— Ты фотографировал их всех?

— Да.

— Я боялась, что ты это скажешь. Кто ты такой?

— Художник. Поэт. Гений.

— А может, ты сексуальный маньяк? Эти девушки вообще ещё живы?

— Умница! Сама догадалась.

Он провёл тыльной стороной ладони по моей скуле.

— Не переигрывай. Я не буду с тобой трахаться.

— Я и не планировал.

Пауза.

Слишком длинная.

— Ты в туалет шла. Следующая дверь.

— Спасибо.

Когда я вернулась, шторы были задёрнуты.

Ильяс перестраивал пространство.

Белый фон на стене. Софтбоксы. Камера. Штатив.

— Кастинг начинается, — сказал он.

— Для чего?

— Для проекта.

— Какого?

— Позже расскажу.

— А может я не хочу участвовать ни в каком проекте.

— Блять. Кассандра… не выёбывайся. Становись сюда.

Он показал, где встать.

— Мне раздеваться придётся?

— Меньше вопросов. Слушай и делай.

Первая вспышка ослепила.— Не жмурься. Ноги чуть шире. Бедро подай на меня. Не сутулься.

Я выполняла.

Сначала механически.

Потом — осознанно.

— Теперь спиной. Чуть приспусти шорты. Прогнись.

— Так?

— Лучше.

В какой-то момент стеснение исчезло.

Он показывал — я повторяла.

— Сядь на пол. Ноги согни. Смотри на меня… теперь в сторону.

Пауза.

— Снимай шорты и рубашку.

— Полностью?

— А как ещё? Нижнее бельё же есть?

— Есть.

Я сняла.

Не для него.

Самой было интересно, насколько далеко могу зайти. Сколько во мне свободы на самом деле.

Музыка. Moby.

Ритм. Дыхание.

— Бретельку бюстгальтера с плеча скинь. Руку положи на бедро. Ноги шире. Не как школьница. А теперь запусти два пальца под стринги.

Он внимательно разглядел кадр на экране фотоаппарата и нахмурился.

— Блять. Кас. Что с лицом? Ни одной эмоции. Закуси губу, что ли.

— Ну тогда дай мне тоже посмотреть. Я себя со стороны не вижу. Это мой первый раз.

— Мой фотоаппарат лишил девственности не одну модель, - улыбнулся он.

— Я не модель.

— Girl… — пропел Ильяс. — You'll be a model soon.

— Please, come take my hand… — подыграла я ему. — Моя любимая песня.

— «Криминальное чтиво» — мой любимый фильм.

Иногда достаточно совпасть во вкусах хотя бы в чём-то одном, чтобы между людьми начал таять лёд.

Я взяла фотоаппарат и прокрутила кадры.

На первых фотографиях стояла напряжённая девушка с лицом отличницы, которую заставили сдавать экзамен по разврату.

Я рассмеялась.

Но дальше…

Я задержалась на одном снимке.

Линия бедра. Поворот головы. Взгляд, случайно пойманный объективом.

Красиво.

Неожиданно красиво.

— Поняла. Давай ещё раз.

Фокус сместился с Ильяса на меня.

На собственное тело.

На ощущения.

На то, что я хочу увидеть в кадре.

Камера щёлкала каждые три секунды. Музыка текла по стенам. Я больше не ждала указаний.

Ильяс двигался вокруг — стоя, сидя, почти лёжа. Приближался. Отходил. Чуть корректировал.

Мы синхронизировались.

Без слов.

Я возбуждалась от себя. От того, как он смотрит — через объектив. Но дистанция оставалась. Ни пошлости. Ни попытки перейти грань. Только работа.

Когда я лежала на полу, с одной рукой между ног, а другой прикрывая грудь, он встал надо мной. Спокойно. Уверенно.

На секунду мне захотелось его поцеловать.

И в тот же момент — как пощёчина — всплыл образ Тимура.

Желание исчезло.

Я закрыла глаза и жестом попросила опустить камер

— Ты кончила? — усмехнулся он.

— Типа того. Причём во всех смыслах. Может, на сегодня хватит?

— Вполне, — спокойно ответил Ильяс.

Одеваясь, я чувствовала усталость как после секса.

— Что дальше?— Отберу десять лучших фото.

— И повесишь на стену?

— Отправлю продюсеру в Германию.

— В Германию?

— Да. Думаю, ты нам подходишь.

— Кому — «нам»?

— Не переживай. Всё конфиденциально.

— Мне этого недостаточно. Я хочу понимать, кто, что и зачем.

— Подожди пару дней. Если тебя утвердят — всё расскажу. Подпишем контракт.

— Это порно?

— У каждого своё понимание. Для кого-то лёгкая эротика — уже порно. Для кого-то жёсткий секс — искусство. Я люблю и то, и другое. По настроению. А ты?

— Я никогда этим не увлекалась.

— Только не говори, что никогда не смотрела.

— Нет. И не хочу. И, если честно… эта идея мне уже не нравится. Может, отменим?

— Отпусти ситуацию. Ты отработала сильно. Я видел, как тебя вставляло. Ты словила кайф.

— Да. Но я не понимаю, куда это ведёт.

— Возможно, настанет лучший поворот твоей жизни. Потом скажешь спасибо.

Я вышла от него с ощущением внутренней новизны. Как будто внутри что-то щёлкнуло.

Я раздвинула не только ноги перед камерой. Я раздвинула свои границы. Те, что сама себе когда-то нарисовала.

Мысли о прошлом всё ещё держали. Я часто плакала. Но уже без сопротивления реальности. Я не знала, сколько буду ещё страдать — год, два, всю жизнь. И выбрала путь, который большинству покажется безумием.

Клин — клином.

Каждая женщина хоть раз в жизни должна решиться на эротическую фотосессию. Не ради кого-то. Не ради взгляда со стороны. И точно не ради секса. Ради себя. Когда ты позволяешь себе быть до неприличия свободной и запечатлеваешь этот момент на фотокамеру — без роли, без стыда, без необходимости быть «хорошей» и «правильной».

Сексуальность в этот момент перестаёт быть чем-то внешним. Она становится женской силой, которая пробуждается изнутри. Через это возбуждение происходит возвращение к себе — не через ум, а через тело. И именно в этом необычном, откровенном, честном контакте с

собой происходит самое важное — начинается исцеление. Там, где раньше были боль, напряжение и сжатие, появляются тепло, пульсация, дыхание жизни.

Через три дня он позвонил.
Я не колебалась.
Я уже согласилась на всё в тот момент, когда не отвела взгляд от камеры.
Следующая фотосъёмка была уже в рамках контракта, который я подписала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.